

Журнал «РЕЦ»

№ 51, июль 2008

Прощання слов'янки

(современная украинская и белорусская
поэзия в русских переводах)

Выпускающие редакторы
Игорь Белов, Галина Крук

Содержание

<i>Замість передмови</i>	
<i>Вместо предисловия</i>	3
Юрій АНДРУХОВИЧ	
Юрий АНДРУХОВИЧ	9
Сергій ЖАДАН	
Сергей ЖАДАН	18
Галина КРУК	
Галина КРУК.....	40
Остап СЛИВИНСЬКИЙ	
Остап СЛИВИНСКИЙ	52
Андрэй ХАДАНОВІЧ	
Андрей ХАДАНОВИЧ	
<i>(перевод с белорусского)</i>	61
Об авторах	97

©2008

Координатор проекта, редактор: Павел Настин:
pavelnastin@gmail.com

Выпускающие редакторы: Игорь Белов, Галина Крук

Переводчик: Игорь Белов

Верстка номера: Ирина Максимова

Все права принадлежат авторам опубликованных материалов
Все материалы опубликованы с личного согласия авторов

*Выпускающие редакторы благодарят
Шведский институт (Svenska institutet),
Балтийский центр писателей и переводчиков
и лично Елену Пастернак
за содействие в подготовке этого номера*

Si.
Svenska institutet

Замість передмови

1. Ви сказали, що писати і розмовляти українською не вмієте, але чудово розумієте написане. Тобто, виходить, що освіти перекладача (принаймні, перекладача з української) Ви не отримували. Тоді чому, як і коли почали займатися перекладами з української на російську?

Ну, я і писанню віршів теж не навчався в освітніх закладах, тому що цьому не можна ніде навчитися. А українська література мені буквально на голову впала, як подарунок долі. Кілька років тому приятель-філолог вручив мені роман Сергія Жадана «Депеш Мод», я прочитав, захопився і, оскільки видавці не вказали, що це переклад з української, то я спершу подумав, що Жадан живе собі в Харкові і пише вірші та прозу російською. Згодом з'ясувалося, звичайно, що це не так – і я подумав, нічого собі, така книжка, та ще й українською. Приблизно тоді ж на одному поетичному фестивалі я вперше почув, як українська поезія звучить – а виступала тоді поетеса Галина Крук. Мене це дуже вразило, я почав читати українських письменників, знайомився особисто, читав, не знаючи мови, п'яте через десяте (це зараз я можу дозволити собі прочитати «Таємницю» Андруховича в оригіналі!), і тут виявилось, що саме цих авторів мені й не вистачає в моїй улюбленій російській літературі, що аналогів їм у нас просто нема. Але мені-то їх простіше читати російською – ось і почав перекладати, мені страшенно хотілося прочитати все це своєю рідною мовою. Крім того я, на відміну від «пушкінських» росіян, людина енергійна і допитлива – а тут велика, але малознайома мені література існує буквально під боком, просто непочатий край. Через це ми з Галею Крук задумали зробити антологію сучасної української поезії у моїх перекладах, але поки що вирішили обмежитися форматом популярного літературного електронного журналу «РЕЦ».

2. Були якісь «складні» вірші, за переклад яких Ви бралися, а потім розуміли, мовляв, ні, не виходить, і відкладали?

Так, наприклад, вірші Ігоря Римарука. Не тому, що у нього римовані вірші – я переклав чимало римованих текстів, це не проблема. Але за його вірші справді не знаєш, з якого боку взятися. Трапляються такі дива, але, думаю, мені просто не вистачило час – можливо, коли-небудь він з'явиться. Складно було перекладати вірші Остапа Сливинського – але я справився.

3. Радитесь з самими письменниками щодо перекладу їхніх творів? Мовляв, це буде краще перекласти так чи інакше, яке слово доречніше? І чи траплялося колись так, що автора не влаштовував Ваш переклад?

Раджуся, обов'язково, але, як правило, показую вже готовий текст. Знаєте, кажуть, що художній переклад - він як жінка: якщо гарний, то невірний, а якщо вірний, то негарний. Тому раджуся з приводу всіляких «вольностей» перекладу. Або зовсім уже проблемних місць – як це було із словом „кохатися” в одному вірші Андруховича. Як це слово перекласти російською? А от дзуськи перекладеш! У нас такого чудового слова немає, перекладеш „любить” – дуже платонічно, а „трахаться” – грубо. Думали ми з автором, думали, зійшлися урешті на варіанті „занимається любовью”, хоча це теж не зовсім те... Або фраза „переконання, що терористи теж мають рацію” у тексті Галини Крук – на жаль, при перекладі зникає гра слів, коли можна одночасно бути правим і в той же час мати при собі рацію як електроприлад. І так далі... Але більше „вольностей” довелося погоджувати з білоруським поетом Андрієм Хадановичем, я не випадково тут про нього згадую – як влучно висловився Ірванець, Хаданович - єдиний український поет, що пише білоруською, так що це доречно. Так от у нього мені довелося замінити цитату з білоруської популярної пісні на рядок із „Бітлз” – російському читачеві так зрозуміліше. Або у Крук в одному тексті замінити

українське прізвище „Федечко”, яка виглядає як зменшувально-пестливе від імені „Федір”, на нейтральне „Федоренко”. Це дрібниці, звичайно, але диявол криється в деталях. А не в сирі, як написав один український письменник.

Буває, що автори якісь мої вільності і бракують, але не так, щоб усе відразу, а окремі рядки.

4. Наскільки цікаві російському читачеві українські письменники і те, про що вони пишуть? Чи є попит на книжки наших письменників у Росії?

У мене взагалі іноді складається враження, що в Росії зараз якась мода на українську культуру – особливо після „помаранчевої” революції. Я упевнений, що багато моїх співвітчизників дивилися тоді новини по ТБ із заздністю – мовляв, блін, а ми от так не можемо. Я зараз не про політику, а про який чуттєвий драйв говорю.

Попит є і українські автори російському читачеві дуже цікаві – по-перше, ми дещо втомилися від своїх і вже, в принципі, добре знаємо, що від кого чекати. А по-друге, літературна Україна для нас поки що, все-таки, у якомусь сенсі - річ екзотична й маловідома (я маю на увазі широку читацьку аудиторію і критику). Хоча вже видана не одна книга прози Жадана, Андруховича, Карпи. Поетичних книжок, проте, не густо – за моєї пам’яті лише чудова «Історія культури початку сторіччя» Сергія Жадана (може, я щось недогледів?). До речі, найкращий у Росії, на мій погляд, журнал поезії «Воздух» за останні два роки опублікував великі поетичні добірки Крук, Жадана і Бондаря.

5. Які відгуки від людей Ви чули про твори українських письменників?

Ой, людям подобається! Хоча трапляються й казуси. Пам’ятаю, коли я переклав вірш Галини Крук, де до ліричної героїні в гості заходить чеченка-смертниця і вони розмовляють про все, мене часто і дуже нервово питали, як я, російський літератор, міг перекласти такий нібито антиросійський текст – фашистом обізвали, я серйозно! Або переклад Жаданового „Лукойла” породив цілу полеміку: іронія щодо „регіональних представників російських нафтових компаній” викликала обурення наших горе-патріотів, і мене звинуватили в захопленні „сумнівною ідеологією”. Все це, звичайно, нісенітниця, але приклади показові.

А взагалі враження російських читачів від української поезії – приблизно такі, як у моїх друзів-меломанів від українського року: енергетика так і пре, і це дуже добре.

6. Яким є читач книжок українських письменників в Росії? Можливо, можна в загальних рисах окреслити потенційного читача (це молодь чи, навпаки, бабусі)?

Гадаю, це молода людина років 20-30, у доброму сенсі слова баламут, значною мірою з анархічним ухилом, хоча радше не в плані політики, а способу життя взагалі. Така дуже волелюбна людина. І в сумці у нього фляжка коньяку і диск групи „Воплі Відоплясова”. Одним словом, симпатяга.

7. Мабуть, уже весь інтернет облетіла стаття Віктора Топорова, у якій він каже, що, мовляв, українських письменників як не читали, так і не читатимуть, українська мова нині нав’язується українцям в Україні насильно, і що взагалі це не мова, а щось на зразок діалекту російської для не надто освічених людей... Як Ви ставитесь до подібних заяв?

Дашевський якийсь дуже точно зауважив, що критик Топоров давно перетворився на машину для рівномірного виверження отруйного бруду, і потрапити під його бризки – подія не літературна, а побутова. Отже, Топоров і в цьому випадку не здивував. Біда в іншому: розмови про те, що українську мову нав’язують українцям насильно, найчастіше заводять політики, точніше, ті, хто цих політичних діячів, як би це пом’якше висловитися, обслуговує: комусь просто дуже вигідно

представляти українську мову сільським, провінційним варіантом російської. Як правило, цим займаються люди, яким на мовні проблеми наплювати і розтерти, вони розігрують якусь політичну карту, що взагалі-то виглядає дуже огидно. Не думаю, що російська мова потребує захисту з боку подібних опереткових персонажів. Та й українська – теж.

Говорити про те, що ось російських письменників у нас в Росії читають всі, від петеушниць до академіків, а українських не читають і не знають – значить, обдурювати самих себе. Просто Україна не продукує детективів і дамське читиво, тобто літературну попу, якою у нас знічев'я зачитується вся країна, – якщо з цього боку подивитися, тоді, звичайно, не читають українського письменника в Росії. Але й нормального російського автора в такому разі не читають теж.

8. Які нині тенденції у літературному процесі Росії?

Тенденції у нас чудові – книжки виходять, фестивалі організують, поети рвуть один одного на британський прапор під час усіляких слемів... До речі, днями виходить журнал „РЕЦ”, присвячений сучасній українській і білоруській поезії, я про нього згадував на самому початку нашої розмови. Так що я це інтерв'ю з посиланням на ваше видання використаю замість вступної статті „Від перекладача”. Звичайно, якщо Ви не маєте нічого проти.

Розмовляла Лера ЛАУДА

Газетна версія інтерв'ю «ГАЗЕТА ПО-УКРАЇНСЬКИ»:
<http://gpu.ua/index.php?&id=234657>

Вместо предисловия

1. Вы сказали, что писать и разговаривать на украинском не умеете, но хорошо понимаете написанное. То есть, получается, что образования переводчика (по крайней мере – переводчика с украинского) Вы не получали. Тогда почему, как и когда Вы начали заниматься переводами с украинского на русский?

Ну, так я и писанию стихов тоже не обучался в образовательных заведениях, потому что этому нельзя нигде научиться. А украинская литература мне буквально на голову свалилась, как подарок судьбы. Несколько лет тому приятель-филолог вручил мне роман Сергея Жадана «Депеш Мод», я прочитал, радостно восхитился и, поскольку издатели не указали, что это перевод с украинского, я решил сначала, что Жадан живет себе в Харькове и пишет стихи и прозу на русском. Выяснилось, конечно, что это не так – и я подумал, ничего себе, такая книжка, да еще и на украинском... Примерно в то же время, на одном поэтическом фестивале, я впервые услышал, как украинская поэзия звучит – а выступала тогда поэтесса Галина Крук. Меня это все очень впечатлило, я стал читать украинских писателей, знакомиться лично, читал, не зная языка, через пень-колоду (это сейчас я могу позволить себе прочитать «Таємницю» Андруховича в оригинале!), и тут выяснилось, что именно этих авторов мне и не хватает в моей любимой русской литературе, что аналогов им просто нет. Но мне-то их проще читать по-русски – вот и стал переводить, мне ужасно хотелось прочитать все это на своем родном языке. Плюс ко всему я, в отличие от «пушкинских» русских, человек энергичный и любопытный – а тут великая, но малознакомая мне литература существует буквально под боком, просто непочатый край. В итоге мы с Галей Крук задумали сделать антологию современной украинской поэзии в моих переводах, но пока решили ограничиться форматом популярного литературного электронного журнала «РЕЦ».

2. Были ли какие-то «трудные» стихотворения, за перевод которых Вы брались, а потом понимали, мол, нет, не получается, и откладывали?

Да, например, стихи Игоря Римарука. Не потому, что у него рифмованные стихи – я перевел кучу рифмованных текстов, это не проблема. Но за него действительно не знаешь, с какой стороны взяться. Бывают такие чудеса, но, думаю, мне просто не хватило времени – возможно, когда-нибудь оно появится. Сложно было переводить стихи Остапа Сливинского – но я справился.

3. Советуетесь ли Вы с авторами в процессе перевода их произведений? Мол – это лучше будет перевести так или иначе, какое слово уместнее? И случалось ли иногда так, что автора не устраивал Ваш перевод?

Советуюсь, обязательно, но, как правило, показываю уже готовый текст. Знаете, говорят, что художественный перевод, он как женщина: если он красив, то он не верен, а если верен, то некрасив. Поэтому советуюсь на предмет всяких вольностей перевода. Или совсем уже проблемных мест – вот как было со словом „кохатися” в одном стихотворении Андруховича. Как это слово перевести на русский? А вот фиг переведешь! У нас такого слова чудесного нет, переведешь „любить” – слишком платонически, „трахаться” – грубо. Думали мы с автором, думали, сошлись в итоге на варианте „заниматься любовью”, хотя это тоже не совсем то... Или фраза „переконання, що терористи теж мають рацію” в тексте Галины Крук – увы, но при переводе исчезает игра слов, когда можно одновременно быть правым и в то же время иметь при себе рацию в качестве электроприбора. И так далее... Но больше „вольностей” пришлось согласовывать с белорусским поэтом Андреем Хадановичем, я не случайно здесь о нем говорю – по меткому выражению Ирванца, Хаданович – единственный

украинский поэт, пишущий по-белорусски, так что это уместно. Так вот у него мне пришлось как-то заменить цитату из белорусской популярной песни на строчку из „Битлз” – русскому читателю всяк понятней. Или у Крук в одном тексте поменять у героя его украинскую фамилию „Федечко”, которая смотрится как ласковое уменьшение от имени „Федор”, на нейтральную „Федоренко”. Это мелочи, конечно, но дьявол кроется в деталях. А не в сыре, как написал один украинский писатель.

Бывает, что авторы какие-то мои вольности и бракуют, но не так, чтобы все сразу, а отдельные строчки.

4. Насколько интересны русскому читателю украинские писатели и то, о чем они пишут? Пользуются ли спросом книги наших авторов в России?

У меня вообще иногда складывается впечатление, что в России некая даже мода на украинскую культуру – особенно после „оранжевой” революции. Я уверен, что очень многие мои соотечественники смотрели тогда новости по ТВ с чувством зависти – дескать, блин, а мы вот так не можем. Я сейчас не о политике, а о неком чувственном драйве говорю.

Спрос есть, и украинские авторы российскому читателю очень интересны – во-первых, мы немного подустали от своих и уже, в принципе, хорошо знаем, что от кого ожидать. А во-вторых, литературная Украина для нас пока еще, все-таки, в каком-то смысле, штука экзотическая и малоизученная, я имею в виду широкую читательскую публику и критику. Хотя уже издана не одна книга прозы Жадана, Андруховича, Карпы. Поэтических книжек, однако, не густо – на моей памяти лишь отличная «История культуры начала столетия» Сергея Жадана (возможно, я что-то пропустил?). Кстати, лучший в России, на мой взгляд, журнал поэзии «Воздух» за последние два года опубликовал большие поэтические подборки Крук, Жадана и Бондаря.

5. Как отзывы о произведениях украинских писателей Вам приходилось слышать?

Ой, народу нравится! Хотя случаются и казусы. Помню, когда я перевел стихотворение Галины Крук, где к лирической героине в гости заходит чеченка-смертница и они беседуют обо всем, меня часто и очень нервно спрашивали, как я, русский литератор, мог перевести такой якобы антироссийский текст – фашистом обозвали, я серьезно! Или перевод жадановского „Лукойла” породил целую полемику: ирония в отношении „региональных представителей российских нефтяных компаний” вызвала возмущение наших „квасных” патриотов, и меня обвинили в увлечении „сомнительной идеологией”. Все это, конечно, чепуха, но примеры показательные.

А вообще ощущения российских читателей от украинской поэзии – примерно такие, как у моих друзей-меломанов от украинского рока: энергетика так и прет, и это очень хорошо.

6. Каков читатель украинских писателей в России? Можно ли в общин чертах как-то охарактеризовать потенциального читателя (это молодежь или наоборот – бабушки)?

Я думаю, это молодой человек лет 20–30, в хорошем смысле слова раздолбай, немного с анархическим уклоном, хотя скорее не в сторону политики, а способа жизни вообще. Очень свободолюбивый такой человек. И в сумке у него фляжка коньяка и пластинка группы „Вопли Видоплясова”. Одним словом, симпатяга.

7. Наверно, уже весь интернет облетела статья Виктора Топорова, в которой он говорит, что, мол, украинских писателей как не читали, так и не будут читать, типа украинский язык сегодня навязывается украинцам в Украине насильственным образом, и вообще это не язык, а что-то вроде диалекта русского языка для не очень образованных людей... как Вы относитесь к подобным заявлениям?

Дашевский как-то очень точно подметил, что критик Топоров давно превратился в машину для равномерного извержения ядовитой грязи, и попасть под ее брызги – событие не литературное, а бытовое. Так что Топоров и в этом случае не удивил. Беда в другом: разговоры о том, что украинский язык навязывают украинцам насильно, чаще всего заводят политики, точнее, те, кто этих политических деятелей, как бы это помягче выразиться, обслуживает: кому-то просто очень выгодно представить украинский язык сельским, провинциальным вариантом русского. Как правило, такими вещами занимаются люди, которым на языковые проблемы наплевать и растереть, они разыгрывают некую политическую карту, что вообще-то выглядит довольно отвратительно. Не думаю, что русский язык нуждается в защите со стороны подобных опереточных персонажей. Да и украинский – тоже.

Говорить о том, что вот русских писателей у нас в России читают все, от пэтэушницы до академиков, а украинских не читают и не знают – значит, обманывать самих себя. Просто Украина не производит детектив и дамское чтиво, то бишь литературную попу, которой у нас от нечего делать зачитывается вся страна – если с этой стороны посмотреть, тогда конечно, не читают украинского писателя в России. Но и нормального российского автора в таком случае не читают тоже.

8. Каковы сегодняшние тенденции в литературном процессе России?

Тенденции у нас замечательные – книжки выходят, фестивали организывают, поэты рвут друг друга на британский флаг во время всяких слэмов... Кстати, на днях выходит журнал „РЕЦ”, посвященный современной украинской и белорусской поэзии, я о нем говорил в самом начале нашей беседы. Так что я это интервью, со ссылкой на Ваше издание, использую вместо вступительной статьи „От переводчика”. Если не возражаете, конечно.

Беседовала Лера ЛАУДА

Газетная версия интервью «ГАЗЕТА ПО-УКРАЇНСЬКИ»:

http://gpu.ua/?&id=234657&lang=ru&s=3_othr

Юрій АНДРУХОВИЧ

10 ПІСЕНЬ ДЛЯ МЕРТВОГО ПІВНЯ

I WANNA WOMAN

Сьогодні знову говорили про онаніста.
Літня спека притягує до річки повно жіноцтва,
вони показують усі без винятку частини тіла
з більшим чи меншим ступенем відкритості
і неухажності.

Деякі з них виголені під пахвами,
інші мають синці на стегнах.

«Осторожно, там опять *этот* засел», –
попередила бабця з козами,
киваючи на зарості верболозу –
так ніби це була наша проблема.
Так ніби це нас він розглядає з біноклем
і збудженим придином.

Ми завжди готові прогнати його палицями
і свистом.

Або, коли доведеться, розтрощимо череп
сокирою чи
повиколюєм очі шампурами –
нехай тільки сунеться!

Але – можете бути певні –
навіть і після цього,
уже без бінокля, уже з порожніми очницями,
він усе одно залізе в ці зарості,
нюхатиме гаряче тіло повітря,
ліпитиме в ньому мокрих жінок для підглядання
і стогнатиме, наспівуючи
почуту зранку на «Промені» пісеньку
«Ми так цього тепла зятято прагнули...»

Ще кілька тижнів – і серпень закінчиться.
Ще кілька зусиль – і розверзеться прірва.

Юрій АНДРУХОВИЧ

10 ПЕСЕН ДЛЯ МЕРТВОГО КОЧЕТА

I WANNA WOMAN

Сегодня снова говорили про онаниста.
Летняя жара притягивает к реке множество женщин,
они демонстрируют все без исключения части тела
с той или иной степенью открытости
и беспечности.

У некоторых выбриты подмышки,
другие – с синяками на ляжках.

«Осторожно, там опять этот засел», –
предупредила бабка с козами,
кивая на заросли ивняка –
словно это была наша проблема.
Словно это нас он разглядывает с биноклем
и прерывистым дыханием.

Мы всегда готовы прогнать его палками
и свистом.

А надо будет, проломим череп
топором или
выколем глаза шампурами –
пусть только сунется!

Но – можете быть уверены –
даже после этого,
уже без бинокля, уже с пустыми глазницами,
он все равно залезет в эти кусты,
будет нюхать горячее тело воздуха,
лепить в нем мокрых женщин, чтобы подсматривать,
и будет стонать,
напевая
услышанную утром на «Промене»¹ песенку
«Мы ждали этих теплых дней отчаянно...»

Еще пару недель – и август закончится.
Еще пару усилий – и разверзнется бездна.

¹ «Промень» («Луч») – название украинской радиостанции. – Прим. пер.

WELCOME TO MY FOOLISH DREAMLAND

Тарас має рацію, коли пише
Нас не повинні зривати вранці будильники.
 Ранок і без того пора сум'яття,
 суцільна туга, найгірше, що може трапитись.
 Необхідність якось прожити подальший день
 в'яже до ліжка. Виграй ще півгодини.
 Обдумай побачене.

Обдумування снів --
 це спроба навести лад у нічних пригодах,
 надати сюжетові стрункості, видінням ясності.
 Що сталося насправді? Якого хрена
 п'яний Томас лишив під сидінням сухі
 екскременти? Сексапільна черниця
 чогось добивалась, показуючи пальцем
 на мене? Ще пам'ятаю годинник.
 До від'їзду лишалося море часу,
 але не було змоги покинути трейлер
 з юрмою знайомих. Що заважало?

Значно гірше, коли з оберемком квітів
 ідеш до когось, кого насправді вже місяць
 як убито, на ювілейний вечір.
 Чому ювілейний? Ще дві хвилини --
 і я з'ясую, наздожену черницю,
 Томаса змушу
 після себе поприбирати...

Обдумування снів найчастіше
 не дає нічого, крім паралельних висновків:
 життя минає, проблема ранку
 в тому, що воно все меншає й меншає.
 Тільки у снах, де все по-дурному,
 воно виглядає справжнім.
 Тобто вічним. Виграй ще півгодини.

WELCOME TO MY FOOLISH DREAMLAND

Тарас прав, когда пишет
Ни к чему будильникам подрывать нас по утрам
 Утро и без того время смутное,
 сплошная тоска, самое худшее, что может случиться.
 Необходимость как-то прожить наступающий день
 приковывает к кровати. Возьми еще полчаса.
 Обдумай увиденное.

Обдумывание снов --
 это попытка навести порядок в ночных приключениях,
 придать сюжету стройность, видениям -- ясность.
 Что было на самом деле? Какого хрена
 пьяный Томас оставил под сиденьем сухие
 экскременты? Сексапильная монашка
 чего-то ведь добивалась, указывая на меня
 пальцем? Еще мне снились часы.
 До отъезда оставалось море времени,
 но не было возможности покинуть трейлер
 с толпой знакомых. Что же мешало?

Гораздо хуже, когда с охапкой цветов
 идешь к кому-то, кого на самом деле уже месяц
 как убили, на юбилейный вечер.
 Почему юбилейный? Еще две минуты --
 и я выясню, догоню монашку,
 Томаса заставлю
 прибрать за собой...

Обдумывание снов чаще всего
 не дает ничего, кроме паралельных выводов:
 жизнь проходит, проблема утра
 в том, что оно заканчивается.
 Только во сне, где все по-дураски,
 оно выглядит настоящим.
 То есть вечным. Возьми еще полчаса.

THE VERY BEST OF TABLOIDS

ПОЖЕЖНИКИ ЯК ЗАВЖДИ НЕ ВСТИГЛИ!
 БЕНЗИН ЩЕ ПОДОРОЖЧАЄ, ЗАТЕ ГРИВНЯ ПОЇДЕ ВНИЗ!
 СІМНАДЦЯТИЛІТНЯ ВНУЧКА ЗАКОЛОЛА НОЖЕМ ВЕТЕРАНА ВІЙНИ І ПРАЦІ!
 САМОГОННА ТРАГЕДІЯ НЕ НАВЧИЛА НІЧОМУ!
 ПРИБУЛЬЦІ ЗАБРАЛИ В КОСМОС НЕ ТІЛЬКИ РОДИНУ БАРАНЮКІВ!

МАРШРУТ ПЕРЕСУВАННЯ СЕРІЙНОГО ВБИВЦІ З'ЯСОВАНО!
 ПРЕЗИДЕНТ ПІДПИСАВ УКАЗ ПРО ЛЮБОВ ДО РОСІЇ!
 НА СМІТНИКУ ЗНАЙДЕНО ТИСЯЧНЕ ПІДКИНУТЕ НЕМОВЛЯТКО!

АЛЛА БОРИСІВНА ЗНОВУ ЗАВІТАЄ ДО ЛЬВОВА!
АСТРОЛОГ НЕ РАДИТЬ РИБАМ ЗМІНЮВАТИ СЕКСУАЛЬНИХ ПАРТНЕРІВ!

ПРОДАЄТЬСЯ ХАТА З ЖІНКОЮ ТА БАСЕЙНОМ!
ПРОТЕЗУЮ ЗУБИ! СТРІЛЯЮ БЕЗ ПРОМАХУ!
ПИШУ МЕМУАРИ, ВІРШІ, ПРОЗУ!
ВОСКРЕШАЮ МЕРТВОГО – ЛІКУЮ ВІД ІМПОТЕНЦІЇ!
СКУПОВУЄМО ВОЛОССЯ І НІГТІ!
РОБИМО ЄВРОПЕЙЦЯМИ!

ЯК УЖЕ ПИСАЛА НАША ГАЗЕТА,
маю досить. Не хочу нічого знати!
ПОДАТКІВЦІ ЯК ЗАВЖДИ НАГРЯНУЛИ ВЧАСНО?
ЗАТЕ ПОЖЕЖНИКИ ЯК ЗАВЖДИ ЗАПІЗНИЛИСЯ!
І хоч САПЕРИ НЕ ПОМИЛЯЮТЬСЯ,
І хоч ТАЛБИ НЕ ВЗЯЛИ КАБУЛ,
І хоч ДИНАМО НЕ ВИГРАЛО СТАРУ СИНЬЙОРУ,
маю досить, ЯК ПОВІДОМЛЯЮТЬ ВАШІ КОРЕСПОНДЕНТИ.

THE VERY BEST OF TABLOIDS

ПОЖАРНЫЕ, КАК ВСЕГДА, ОПОЗДАЛИ!
БЕНЗИН ОПЯТЬ ПОДОРОЖАЕТ, ЗАТО ГРИВНА ПОЕДЕТ ВНИЗ!
СЕМНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ВНУЧКА ЗАРЕЗАЛА ВЕТЕРАНА ВОЙНЫ И ТРУДА!
САМОГОННАЯ ТРАГЕДИЯ НИЧЕМУ НЕ НАУЧИЛА!
ПРИШЕЛЬЦЫ ЗАБРАЛИ В КОСМОС НЕ ТОЛЬКО СЕМЬЮ БАРАНЮКОВ!

МАРШРУТ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ ВЫЯСНЕН!
ПРЕЗИДЕНТ ПОДПИСАЛ УКАЗ О ЛЮБВИ К РОССИИ!
НА ПОМОЙКЕ НАЙДЕН ТЫСЯЧНЫЙ БРОШЕННЫЙ МЛАДЕНЕЦ!

ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ЖЕНОЙ И БАСЕЙНОМ!
АЛЛА БОРИСОВНА СНОВА ПОЖАЛУЕТ ВО ЛЬВОВ!
ПРОТЕЗИРУЮ ЗУБЫ! СТРЕЛЯЮ БЕЗ ПРОМАХА!
ПИШУ МЕМУАРЫ, СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРОЗУ!
ВОСКРЕШАЮ МЕРТВЫХ – ЛЕЧУ ОТ ИМПОТЕНЦИИ!
ПОКУПАЕМ ВОЛОСЫ И НОГТИ!
ДЕЛАЕМ ЕВРОПЕЙЦАМИ!

КАК УЖЕ ПИСАЛА НАША ГАЗЕТА,
с меня хватит. Не хочу ничего знать!
НАЛОГОВАЯ, КАК ВСЕГДА, НАГРЯНУЛА ВОВРЕМЯ?
ЗАТО ПОЖАРНЫЕ, КАК ВСЕГДА, ОПОЗДАЛИ!
И хотя САПЕРЫ НЕ ОШИБАЮТСЯ,
И хотя ТАЛИБЫ НЕ ВЗЯЛИ КАБУЛ,
И хотя ДИНАМО НЕ ОТЫМЕЛО СТАРУЮ СИНЬОРУ,
с меня хватит, КАК СООБЩАЮТ ВАШИ КОРЕСПОНДЕНТЫ.

BACK IN USSR

*Не було мене так довго...
Марцін Светлицький*

Не було мене так довго,
що зовсім нічого й не змінилося.

Той самий сморід на сходах,
той самий кавеен по всіх каналах, крім першого,
але на першому навіть кавеен був би за щастя,
хоч які вже там знову жарти
з приводу сала?

Листів як таких немає,
проте якась мара регулярно
підкидає під двері то квитанції за несплату,
то «Кур'єр Кривбасу», то іншу погань,
як наприклад, запрошення
на презентацію
сицилійських бронезилетів
або на виставку дитячого малюнку
«Наш дім Україна».

Я знаю, що наш дім Україна.

Я відвертаюся до стіни
й закриваю очі
з бажанням проспати років п'ятдесят,
після чого не прокинутися.

GLORY TO THE CAMELS

З нас вийшла настільки чудова пара,
що ми годилися навіть для рекламного кліпу.
Приблизно такого:

За стійкою бару сидить Він.
За кілька стільців далі – Вона.
Ось Вона починає нишпорити в торбинці.
Він подає їй у простягнутій руці
відкриту пачку сигарет.
У цю мить Вона встигає знайти в торбинці
свою.
Він сміється.
Вона посміхається.

Наступний план:
дві пачки кемелів на стійці бару

BACK IN USSR

*Не было меня так долго...
Марцин Светлицький*

Не было меня так долго,
что совсем ничего и не изменилось.

Та же вонь на лестнице,
тот же кавээн по всем каналам, кроме первого,
но на первом даже кавээн был бы за счастье,
хотя какие могут быть опять шутки
по поводу сала?

Писем как таковых нет,
лишь какая-то сука регулярно
подбрасывает под дверь то квитанции за неуплату,
то «Курьер Кривбасса», то другую фигню,
как, например, приглашение
на презентацию
сицилийских бронезилетов
или на выставку детского рисунка
«Наш дом Украина».

Я знаю, что наш дом Украина.

Я отворачиваюсь к стене
и закрываю глаза
с желанием проспать лет пятьдесят,
после чего не проснуться.

GLORY TO THE CAMELS

Из нас получилась бы до того прекрасная пара,
что мы подошли бы даже для рекламного ролика.
Примерно такого:

За стойкой бара сидит Он.
Через несколько стульев – Она.
Вот Она начинает копаться в сумочке.
Он протягивает ей
открытую пачку сигарет.
В ту же секунду Она успевает найти в сумочке
свою.
Он смеется.
Она улыбается.

Следующий план:
две пачки кемелов на стойке бара

одна коло одної,
одна коло одної.
Попільничка, недокурки, дим.

Потім знову:
Він і Вона разом виходять з бару.
Зрозуміло, в майбутнє.

Напис:
СИГАРЕТИ "КЕМЕЛ" –
САМ ПО СОБИ ПРЕКРАСНИЙ ПРИВІД ДЛЯ ЗНАЙОМСТВА!

Залишалося кілька дрібниць:
підібрати музичне тло,
домовитися про інтер'єр і масовку,
вирішити, що там з майбутнім.

Спершу було кілька
непоганих листів.
Потім хтось із двох уперше затримався з відповіддю.
Потім це стало нормою, потім обов'язком
стало відписування.
Життя повернуло на місце все, що схотіло.
Тепер залишається думати:
чи було взагалі що-небудь, крім диму?

Але якої холери ти, монстре,
чавив свої жовті недокурки в попільничці
так розпачливо, ніби погонич верблюрів,
помилково допущений до пристойного товариства?..

одна возле другой,
одна возле другой.
Пепельница, окурки, дым.

Потом снова:
Он и Она вместе выходят из бара.
Разумеется, в будущее.

Надпись:
СИГАРЕТЫ «КЭМЕЛ» –
САМ ПО СЕБЕ ПРЕКРАСНЫЙ ПОВОД ДЛЯ ЗНАКОМСТВА!

Оставалась пара пустяков:
подобрать музыкальный фон,
договориться об интерьере и массовке,
решить, что там с будущим.

Сначала было несколько
неплохих писем.
Потом кто-то из двоих впервые задержался с ответом.
Потом это стало нормой, потом отвечать
стало обязанностью.
Жизнь вернула на место все, что хотела.
Теперь остается думать:
а было ли вообще что-нибудь, кроме дыма?

Но какого черта ты, чудище,
давил свои желтые окурки в пепельнице
так отчаянно, словно погонщик верблюдов,
по ошибке допущенный в приличное общество.

WITHOUT YOU-2

Ті самі запахи, ті самі
ароматичні свічки, інші тому подібні фішки:
дзвіночки, будди, нью-ейджові записи,
Блаватська...

В усьому іншому після нас був повний порядок,
хіба що господиня квартири
мусила зауважити кілька плям на простирадлі.

На жаль, ми не вміємо робити цього чистіше.
Чистіше могли б ангели,
але вони не кохаються.
Чистіше не буває.

Хтось хотів, аби через паузу
в сімнадцять місяців я знову там опинився:
ті самі запахи, ті самі
ароматичні свічки, інша тому подібна індія:
мандала, кастанеда, кістяні палички, нью-ейджові
дзвіночки...

І така довга ніч, і така самота під стелею,
і така цілковита незаплямованість,
що з'явилися непогані шанси
на потрапляння в небо.

Але там не кохаються.

IN MEMORY OF DEEP PURPLE

...на що вона цілком слушно відписала,
що я загалом правий, що любові і справді
в цьому світі не так багато, як хотілося б,
але що я в такому разі розумію
під цією любов'ю?

Це було надто пряме запитання.
Я не знайшовся з такою ж відповіддю.

Щоб знайти саме ті слова,
я мусив би знову стояти на тій кам'яній терасі
(якийсь палацик, вілла чи щось подібне),
вдихати спеку, конюшину, розпашіле людське
товариство, набридливих пань
і панів, тримати спітнілий келих,
не знати куди струсити попіл

WITHOUT YOU-2

Те же запахи, те же
ароматические свечи, другие подобные фишки:
колокольчики, будды, нью-эйджевые записи,
Блаватская...

Во всем остальном после нас был полный порядок,
разве что хозяйка квартиры
могла заметить несколько пятен на простыне.

Увы, мы не умеем делать это чище.
Чище могли бы ангелы,
но они не занимаются любовью.
Чище не бывает.

Кто-то хотел, чтобы после паузы
в семнадцать месяцев я снова там оказался:
те же запахи, те же
ароматические свечи, другая подобная индия:
мандала, кастанеда, костяные палочки, нью-эйджевые
колокольчики...

И такая долгая ночь, и так одиноко под крышей,
и такая полная незапятнанность,
что появились неплохие шансы
попасть на небо.

Но там не занимаются любовью.

IN MEMORY OF DEEP PURPLE

...на что она вполне резонно написала,
что в целом я прав, что любви и в самом деле
в этом мире не так много, как хотелось бы,
но что я в таком случае понимаю
под любовью?

Это был слишком прямой вопрос.
Я не нашелся с таким же ответом.

Чтобы найти именно те слова,
мне нужно было бы снова оказаться на той каменной
террасе
(какой-то дворец, вилла или что-нибудь в этом роде),
дышать жарой, клевером, разомлевающим человеческим
обществом надоедливых дам
и господ, держать вспотевший бокал,

(їй-Богу, не на плити ж з білого мармуру!),
не чути запитань
і не влучати з відповідями,
думати про підпахи,
мружитися від заходу сонця,
а потім урешті

побачити той вузький обрис трусиків
під прозорою сукнею майже до п'ят.

не зная, куда стряхнуть пепел
(ей-Богу, не на плиты же из белого мрамора!),
не слышать вопросов
и отвечать невпопад,
жмуриться от заходящего солнца,
а затем наконец

увидеть тот узкий абрис трусиков
под прозрачным платьем почти до пят.

JUST IN BETWEEN

...це трохи так, як з готельними
номерами –
виселення перед дванадцятою,
отже, ми зачиняємо двері,
збігаємо вниз
і здаємо ключі у рецепцію.

Але що з номерами?
що відбувається з ними без нас? що стається
з усією плутаниною простирадел, з усім бардаком,
усіма рушниками,
подушками,
попелом у попільничках?

Чи так само його здуває
віконний повів?
чи так само скрапує кран
над ванною? чи
запотіле дзеркало врешті прояснюється?
що в ньому видно?

(як повідав би Класик:
*О, багато я дав би за те,
аби тільки побачити,
що відбувається з номером,
котрий я навіки покинув!*)

Зрозуміло, що згодом з'являється покоївка
з метою витерти кожен найменший слід
після нас, ніби нас не було.
І це їй вдається.

Зрозуміло й те, що пізніше
тут з'являться інші, інакші,
поселені.

JUST IN BETWEEN

...это примерно так, как с гостиничными
номерами –
выселение до двенадцати,
то есть мы закрываем дверь,
сбегаем вниз
и сдаем ключи на рецепции.

Но что номера?
Что происходит с ними без нас? Что делается
со всей этой путаницей простыней, со всем бардаком,
всеми полотенцами,
подушками,
пеплом в пепельницах?

Так же ли сдувает его
оконный сквозняк?
Так же ли капает кран
в ванной? Отпотеваает ли
в конечном итоге зеркало?
Что в нем видно?

(как сказал бы Классик:
*О, много бы дал я за то,
чтобы только увидеть,
что происходит с номером,
который я навеки покинул!*)

Ясно, что потом появляется горничная,
чтобы стереть каждый малейший след
после нас, словно нас и не было.
И это ей удается.

Ясно и то, что позже
здесь появятся другие, новые
постояльцы.

Але що стається в час *поміж*?
 Поміж нашим виходом і появою
 покоївки?
 У готельному номері,
 де так близько лежалося удвох,
 так близько дихалося?

Но что происходит в период *между*?
 Между нашим отъездом и появлением
 горничной?
 В гостиничном номере,
 где так близко лежалося вдвоем,
 так близко дышалось?

GIRL YOU WILL BE A WOMAN SOON

Дякуючи яхт-клубові, курсам англійської мови,
 полоністиці та україністиці
 за те, що виховали її спеціально для мене,
 дякуючи всім редакціям, до яких вона пише,
 журналові *Russian Military Review*,
 який вона читає в берлінських ес-банах,
 музиці, яку слухає,
 фільмам, які дивиться,
 комп'ютерним іграм, в які програє,
 за те, що вона є вона є вона є вона,
 дякуючи її дідові, котрий каже
Не їдь до Львова – такого міста немає,
 дякуючи всім поколінням її предків
 за те, що несвідомо злягаючись
 вимостили їй тисячолітній шлях до втілення
 (спеціально для мене),

прокрадаюся в її сни, дякую
 дякуючи
 за нагоду снитися,
 нагоду відлунювати,
 пульсувати
 і дякувати.

WERWOLF SUTRA

Німецькою мовою це називається
Hochsitz.
 Така дерев'яна будка на підвищенні,
 звідки краще стріляється
 по кабанах. Деякі кажуть, ніби
 по оленях.
 Але їх так багато, вони всюди –
 ці маленькі сторожові вежі.
 Таке враження, що тутешній люд
 живе виключно полюваннями або мріями
 про полювання.

GIRL YOU WILL BE A WOMAN SOON

Благодаря яхт-клубам, курсам английского языка,
 полонистике и украинистике
 за то, что воспитали ее специально для меня,
 благодаря всем редакциям, для которых она пишет,
 журналу *Russian Military Review*,
 который она читает в берлинских эс-банах,
 музыке, которую слушает,
 фильмам, которые смотрит,
 компьютерным играм, в которые проигрывает,
 за то, что она есть она есть она есть она,
 благодаря ее деду, который говорит
Не езди во Львов – такого города нет,
 благодаря всем поколениям ее предков
 за то, что, бездумно совокупляясь,
 проложили ей тысячелетний путь к воплощению
 (специально для меня),

прокрадываюсь в ее сны, благодарю
 благодаря
 за возможность сниться,
 возможность отзываться,
 пульсировать
 и благодарить.

WERWOLF SUTRA

По-немецки это называется
Hochsitz.
 Такая деревянная будка на возвышении,
 откуда удобней стрелять
 по кабанам. Кто-то говорит, что
 по оленям.
 А еще тут водится множество лис
 (одна из них перебежала шоссе
 в первый же вечер). Им подсыпают чего-то такого
 от бешенства, что они уже не могут
 взбеситься.

А ще тут водиться багато лисиць
(одна з них перебігала шосе
першого ж вечора). Їм підсипають чогось такого
від казку, їм уже не вдається
сказитися.

А ще ці руїни, ці колишні
військові містечка! Зарослі хвощами
казарми, стрільбище, плац, катепе, капепе,
настінні розписи в гімнастичних залах,
настінні написи в умивальниках і сральниках.

Так і хочеться підняти вказівний палець
і повідомити: «Попіл імперій».

Тим часом ідеться про речі значно простіші.
О шостій ранку (в Москві була восьма)
їх виганяли з казарм.

Потім увесь той ідіотизм з піснями, фіззарядкою
і вмиванням, довбання мозгів, прибирання
території, розлізле масло сніданку, день до вечора,
скільки днів до приказа.

Тим часом ідеться
про рядових Мухамедярова, Федотова і Перевертня,
чії імена навіки (та не навіки ж!)
записані на табличках (буття?) разом з номерами
їхніх камазів.

Федотов був посередині, справа Мухамедяров,
по ліву руку Федотова – Перевертень.

З першими двома все ясно: росіянин, татарин.
Але той третій? Куди з таким прізвиськом?

Ніхто не любив Перевертня за вроджену хитрість
і дурне прізвисьце.
Вони не могли не сміятися з такого прізвиська.
Він і сам не знав, що воно означає.

Але німецькою мовою це буде
Werwolf! З чорним піднебінням!
Пострах навколишніх сіл і містечок!
Романтичний герой казок і балад!

О незнищений, майже безсмертний вовулако!
Утікай, поки вони зберуться на тебе
облавою! Поки приціляться зі своїх дерев'яних веж!
Дембель неизбежен! Я вірю, ти зможеш!
Воскресни! Стань собою, Перевертню!

А еще эти руины, эти бывшие
военные городки! Заросшие хвощами
казармы, стрельбище, плац, катэпэ, капэпэ,
настенные росписи в гимнастических залах,
настенные надписи в умывальниках и сральниках.

Так и хочется поднять указательный палец
и заявить: «Пепел империй».

Между тем речь идет о вещах куда более простых.
В шесть утра (в Москве было восемь)
их выгоняли из казарм.

Потом весь этот идиотизм с песнями, физзарядкой
и умыванием, долбежка мозгов, уборка
территории, расплывшееся масло завтрака, целый
день до вечера,
столько-то дней до приказа.

Между тем речь идет
о рядовых Мухамедярове, Федотове и Обратне,
чьи имена навеки (ну, не навеки же!)
записаны на скрижалях (бытия?) вместе с номерами
их камазов.

Федотов был посередине, справа Мухамедяров,
слева от Федотова – Обратень.

С первыми двумя все ясно: русский, татарин.
Но этот третий? Куда с такой фамилией?

Никто не любил Обратня за врожденную хитрость
и дурацкую фамилию.
Они не могли не смеяться над такой фамилией.
Он и сам не знал, что она значит.

Но по-немецки это будет
Werwolf! С черным небом!
Гроза окрестных сел и местечек!
Романтический герой сказок и баллад!

О неистребимый, почти бессмертный человековолк!
Беги, пока они не устроили на тебя
облаву! Пока не прицелились со своих деревянных
вышек!

Дембель неизбежен! Я верю, ты сможешь!
Воскресни! Стань собой, Обратень!

Сергій ЖАДАН

Дезертири

Я почну з того, з чого і мав почати –
з присвяти всім, хто не дочекався
на кращі часи, часи, коли
всі попустяться і можна врешті
перевести подих.
Але мертві не переводять подиху,
ага, точно не переводять.

Ну, так добре все починалось, так
мріялось, курва, що ось ще
пару зим,
пару депресій,
пару вириганих сердець,
головне дотягнути до тридцятки,
а там уже простіше дихається,
простіше ведуться розрахунки.

Головне дбати про друзів, пам'ятати
всі п'яні обіцянки, що
давались зі сльозами і соплями –
що ось, мовляв, витягнемо, прорвемось,
поставимо це життя раком.

Ну і що – ось воно, життя.
Стоїть раком.
Жодного бажання.

Друзі поламались,
мов перші радянські танки,
і сумні це були смерті, скажу я вам,
я і ворогам не побажаю
таких смертей,
тим більше, що вороги теж
поламались,
мов танки.

І ось сьогодні,
коли надвечір вітер приносить зливу,
навіть нікому зателефонувати,
лишилось з десяток друзів,
але що –
мої друзі бухають,
у них зараз запої,
таке враження, що я
товаришую з якимсь
наркологічним
диспансером.

Сергей ЖАДАН

Дезертиры

Я начну с того, с чего стоит начать –
с посвящения всем, кто не дождался
лучших времен, времен, когда
все расслабится и можно будет наконец
перевести дыхание.
Но мертвые не переводят дыхания,
ага, точно не переводят.

Ну, так хорошо все начиналось, так
грезилось, курва, что вот еще
пару зим,
пару депрессий,
пару выbleванных сердец,
главное дотянуть до тридцатника,
а там уже легче дышится,
проще ведутся расчеты.

Главное заботиться о друзьях, помнить
все пьяные обещания, что
давались со слезами и соплями –
что вот, мол, вытянем, прорвемся,
поставим эту жизнь раком.

Ну и что – вот она, жизнь.
Стоит раком.
Никакого желания.

Друзья сломались,
словно первые советские танки,
и грустные это были смерти, скажу я вам,
я и врагам не пожелаю
таких смертей,
тем более, что враги тоже
сломались,
как танки.

И вот сегодня,
когда под вечер ветер приносит ливень,
даже некому позвонить,
осталось с десяток друзей,
но что из того –
мои друзья бухают,
у них сейчас запои,
такое впечатление, что я
дружу с каким-то
наркологическим
диспансером.

Лишаються їхні діти,
ще їхні діти. Зараз їм, звісно,
телефонувати теж без понту,
але, чорт із ними – мине
якийсь час і вони вийдуть на вулиці
і помстяться за своїх
героїчних батьків.
А там, дивись, і вони повернуться –

всі дезертири, обкурені циркачі,
чуваки в мундирах французьких добровольчих

корпусів,

що патрулювали дороги
під час балканського конфлікту,
повернуться хіміки і астрономи,
які пропаливали небеса над Дунаєм,
всі чорні генії бірж, поморочені душі,
всі емігранти, котрі спустошували склади бундесверу
в осінніх полях,
уся ця безкінечна валка, загублена в часі,
обоз, який переховувався
від однієї облави
до іншої.

І коли вони врешті виберуться
на суше,
о, коли вони виберуться,
тоді я не позаздрю
інженерам,
які боряться за наші душі.

Головне, щоби нам усім вистачило любові.
Головне, щоби нам усім вистачило жовчі.

Остаються их дети,
еще их дети. Сейчас им, понятно,
звонить тоже без понта,
но, черт с ними – пройдет
какое-то время и они выйдут на улицы
и отомстят за своих
героических отцов.
А там, глядишь, и те вернутся –

все дезертиры, обкуренные циркачи,
чуваки в мундирах французских добровольческих

корпусов,

что патрулировали дороги
во время балканского конфликта,
вернутся химики и астрономы,
которые жгли небеса над Дунаем,
все злые гении бирж, помороченные души,
все эмигранты, которые опустошали склады бундесвера
в осенних полях,
весь этот бесконечный караван, затерявшийся во времени,
обоз, который прятался
от одной облавы
до другой.

И когда они наконец выберутся
на сушу,
о, когда они выберутся,
тогда я не позавидую
инженерам,
которые борются за наши души.

Главное, чтобы нам всем хватило любви.
Главное, чтобы нам всем хватило желчи.

Прощання слов'янки

Скільки доводилось бачити даунів,
але таких навіть я не бачив –
один у футболці Звоніміра Бобана,
інший – у футболці Бобана Марковича,
така собі збірна Югославії з клоунади.

Ага, і ось вони сідають до вагону і відразу
дістають карти і починають грати на гроші.
А грошей ні в того ні в іншого немає.
Але чорта з два, – думає Звонімір Бобан, – зараз
я роздягну цього клоуна, – думає він
про Бобана Марковича, – зараз

Прощание славянки

Скільки доводилось видіть даунов,
но таких даже я не видел –
один в футболке Звонимира Бобана,
другой – в футболке Бобана Марковича,
такая себе сборная Югославии по клоунаде.

Ага, и вот они садятся в вагон и сразу
достают карты и начинают играть на деньги.
А денег ни у того, ни у другого нет.
Но черта с два, – думает Звонимир Бобан, – сейчас
я раздену этого клоуна, – думает он
про Бобана Марковича, – сейчас

я виб'ю
з нього
все гівно.

І Звонімір Бобан говорить Бобану Марковичу, – братіку,
братішка, нам головне, аби нас не зсадили до Відня,
бо вже у Відні
все буде до наших послуг, і шенген упаде нам до рук,
мов перестигла груша. Проститутки, братіку,
витиратимуть

нам кросівки
своїми косами,
ми в'їдемо з боку Братислави, на віслюках,
як два Ісуса,
ти і я, братіку,
ти і я.

Ага, – відповідає Звоніміру Бобану Бобан
Маркович, – аякже: як два Ісуса,
виб'ємо з цього міста все гівно, перехопимо в цих
йобаних

українців ринок крадених мобільних телефонів.
Ти лише уяви, братішка, скільки у
світі загадок і таємниць, скільки борделів
і крадених телефонів:
нам життя не стане, аби об'їхати наші угоддя
на віслюках.

А той йому і відповідає: стане, братіку, стане,
життя розтягується, мов баян, я буду
тягнути його в один бік,
а ти – в інший.

І ось вони їдуть, закинувши
нагору чорну валізу,
в якій лежить, складена вдвоє, їхня
велика слов'янська ідея,
і ця їхня велика слов'янська ідея –
акробатка з женецького цирку,
дівчинка, яку вони склали вдвоє і заупакували
до валізи,
час від часу
витагуючи її назовні
й ділячись із нею хлібом і ракією.

Головне – довести слов'янську ідею до Відня,
в'їхати в місто
на чолі автоколонії прочан.
У світі стільки незайманих душ,
стільки нескорених протестантів

я выбью
из него
все говно.

И Звонимир Бобан говорит Бобану Марковичу, – братуха,
братишка, нам главное, чтобы нас не ссадили до Вены,
потому что уже в Вене
все будет к нашим услугам, и шенген упадет нам в руки,
как переспелая груша. Проститутки, братуха,
будут вытирать

нам кроссовки
своими косами,
мы въедем со стороны Братиславы, на ослах,
как два Иисуса,
ты и я, братуха,
ты и я.

Ага, – отвечает Звонимиру Бобану Бобан
Маркович, – конечно: как два Иисуса,
выбьем из этого города все говно, перехватим у этих
ебанных

украинцев рынок краденых мобильных телефонов.
Ты только представь, братишка, сколько в
мире загадок и тайн, сколько борделей
и краденых телефонов:
нам жизни не хватит, чтобы объехать наши угодья
на ослах.

А тот ему и отвечает: хватит, братуха, хватит,
жизнь растягивается, как баян, я буду
тянуть его в одну сторону,
а ты – в другую.

И вот они едут, закинув
наверх черный чемодан,
в котором лежит, сложенная вдвоє, их
великая славянская идея,
и эта их великая славянская идея,
акробатка женецького цирка,
девчонка, которую они сложили вдвоє и упаковали
в чемодан,
время от времени
доставая ее оттуда
и делясь с ней хлебом и ракией.

Главное – довести славянскую идею до Вены,
въехать в город
во главе автоколонны паломников.
В мире столько девственных душ,
столько несломленных протестантов

і некрадених мобільних телефонів,
що лише встигай розтягувати
це життя.

Ну що, далі вони починають співати,
зрозуміло – балканські пісні,
такі безкінечні, що їх навіть своїми словами
не перекажеш,
але приблизно таке:

Коли сонце стає над Балканами
і першим своїм промінням торкається хвиль Дунаю,
вони – хвилі Дунаю – починають підсвічуватись,
ніби на дні лежать золоті червінці,
і тоді хоробрі солдати сербської гвардії
стрибають у Дунай, разом зі своїми рушницями,
аби дістати золоті червінці для дівчат
з портових кварталів;
так вони й тонуть – разом зі своїми рушницями,
і хвилі Дунаю волочуть їх піщаним
дном у напрямку моря,
і від їхніх темних-темних мундирів
море називається Чорним.

и некраденных мобильных телефонов,
что только успевай растягивать
эту жизнь.

Ну что, дальше они начинают петь,
разумеется – балканские песни,
такие бесконечные, что их даже своими словами
не перескажешь,
но примерно так:

Когда солнце встает над Балканами
и первыми своими лучами касается волн Дуная,
они – волны Дуная – начинают подсвечиваться,
словно на дне лежат золотые червонцы,
и тогда храбрые солдаты сербской гвардии
прыгают в Дунай, вместе со своими ружьями,
чтобы достать золотые червонцы для девиц
из портовых кварталов;
так они и тонут – вместе со своими ружьями,
и волны Дуная волокут их песчаным
дном в сторону моря,
и из-за их темных-темных мундиров
море называется Черным.

Big Gangsta Party

Харків, 94-й рік. Напружена
криміногенна ситуація. В місті діє
злочинне угруповання, яке бомбить обмінки,
на державному радіо їх називають „групою зухвалих
молодиків”;

і ось ця група зухвалих молодиків
довго пасе оптову обмінку в центрі,
пасе-пасе і врешті випасає,
що в обмінці
зараз лежить кілька мішків бабла –
брзентові мішки з баблом,
котрі до завтра ніхто не буде вивозити.
Тоді вони святково одягаються
і їдуть бомбити
обмінку.

А обмінка знаходиться в самому
центрі; вони ще пропускають напханий
народом трамвай і аж тоді їдуть
бомбити
свою
обмінку.

Big Gangsta Party

Харьков, 94-й год. Напряженная
криминальная ситуация. В городе действует
преступная группировка, которая бомбит обменники,
на государственном радио их называют «группой
дерзких молодчиков»;

и вот эта группа дерзких молодчиков
долго пасет оптовый обменник в центре,
пасет-пасет и наконец выясняет,
что в обменнике
сейчас лежит несколько мешков бабла –
брзентовые мешки с баблом,
которые до завтра никто не будет вывозить.
Тогда они празднично одеваются
и идут бомбить
обменник.

А обменник находится в самом
центре; они еще пропускают набитый
народом трамвай и лишь тогда идут
бомбить
свой
обменник.

А там їм ніхто, виявляється, не радий,
тим більше – коли вони починають забирати
мішки з баблом.

І ось ти ідеш містом, сонячним боком вулиці,
і в тебе все погано – ні грошей, ні роботи,
ні соціальних перспектив,
і тут раптом із обмінки вибігають
молодики в святкових спортивних костюмах і біжать
до беги, наче біатлоністи, що залишили далеко
позаду всіх претендентів на оптове бабло.

Але що можна робити у Харкові, в 94-му році,
з мішком бабла? Його можна здати в оптову обмінку.
Але там вони вже всіх перестріляли. Отож вони
вирулюють під колесами трамваю
і мчать в нікуди.

Але за пару кварталів звідси
є затишний кабак із кокаїном,
котрий називається „Елітний клуб „Карамболь””.
І вони їдуть просто туди і починають розплачуватись
баблом, на якому ще не висохла кров інкасаторів.

І що, і їм приносять їхнє відро кокаїну,
і доки вони схиляються над ним, мов піхотинці над
піхотною міною, убоп по своїх каналах пробиває
їхню беху
і починає штурмувати елітний клуб „Карамболь”.

І ось ти йдеш собі,
дивлячись,
як над
трамвайними дротами
підіймаються інкасаторські душі, і все, що тобі
хочеться –
це просто нормально потрахатись, хоч раз, хоч раз
у житті,
навіть чорт із ними – із соціальними гарантіями,
чорт із нею – з роботою,
хоча б раз, хоча б аби з ким!
І тут тобі раптом до ніг
починають викидати тіла молодих біатлоністів,
і в кожного з них на грудях лейбл адідасу,
мов прострелене серце, так ніби ця команда
біатлоністів
потрапила під перехресний вогонь свого дублю.

Невидимі й незбагненні
наші з тобою голоси підіймаються в космос.

А там им никто, оказывается, не рад,
тем более – когда они начинают забирать
мешки с баблом.

И вот ты идешь городом, солнечной стороной улицы,
и у тебя все плохо – ни денег, ни работы,
ни социальных перспектив,
и тут вдруг из обменника выбегают
молодчики в праздничных спортивных костюмах и бегут
к беге, словно биатлонисты, что оставили далеко
позади всех претендентов на оптовое бабло.

Но что можно делать в Харькове, в 94-м году,
с мешком бабла? Его можно сдать в оптовый обменник.
Но там они уже всех перестреляли. Так что они
выруливают из-под колес трамвая
и мчат в никуда.

Но через пару кварталов отсюда
есть уютный кабак с кокаином,
который называется «Элитный клуб «Карамболь»».
И они идут прямо туда и начинают расплачиваться
баблом, на котором еще не высохла кровь инкассаторов.

И что, и им приносят их ведро кокаина,
и пока они склоняются над ним, как пехотинцы над
пехотной миной, убоп по своим каналам пробивает
их беху
и начинает штурмовать элитный клуб «Карамболь».

И вот ты идешь себе,
глядя,
как над
трамвайными проводами
поднимаются инкасаторские души, и все, что тебе
хочется –
это просто нормально потрахаться, хоть раз, хоть раз
в жизни,
даже черт с ними – с социальными гарантиями,
черт с ней – с работой,
хоть раз, хоть абы с кем!
И тут вдруг тебе к ногам
начинают выбрасывать тела молодых биатлонистов,
и у каждого из них на груди лейбл адидаса,
как простреленное сердце, так, словно эта команда
биатлонистов
попала под перекрестный огонь своего дубля.

Невидимые и непостижимые,
наши с тобой голоса поднимаются в космос.

Скільки тьмяних, солодких натяків
залишили нам у спадок духи любові.
Краще героїчна смерть, аніж холодна старість.
Спи спокійно, товаришу по боротьбі,
я доношу твій найк,
я поверну борги,
я буду користуватись твоєю трубою,
відповідаючи на дзвінки,
і коли задзвонять твої батьки,
я скажу, що ти ненадовго відійшов,
але незабаром повернешся,
і тоді вони заплатять за все.

Скільки туманних, сладких намеков
оставили нам в наследство духи любви.
Лучше геройская смерть, чем холодная старость.
Спи спокойно, товарищ по борьбе,
я доношу твой найк,
я верну долги,
я буду пользоваться твоей трубой,
отвечая на звонки,
и когда позвонят твои родители,
я скажу, что ты ненадолго вышел,
но скоро вернешься,
и тогда они заплатят за все.

Лукойл

Коли приходять великдень і небо стає прихильнішим
до нас,
і всі напружуються – мовляв, великдень, аякже,
тоді в землі починають перевертатись покійники,
розбиваючи ліктями холодну глину.
Мені доводилось ховати друзів,
я знаю, як воно – закопувати своїх друзів,
мов собака кістку,
чекаючи, коли небо
стане до тебе прихильнішим.

І є такі соціальні групи,
для яких подібні ритуали особливо важливі,
я маю на увазі, насамперед, середній бізнес.
Всім доводилось бачити
який смуток охоплює цих регіональних
представників російських нафтових компаній,
коли вони з'їжджаються на безмежні
цвинтарні поля, аби закопати
ще одного брата з відстреленими легенями;

всім доводилось чути тверде биття сердець,
коли вони стоять біля домовини
і витирають скупі сльози й соплі об своє
дольче й габана,
і хучають геннесі
з одноразового
посуду.

Ось так, Коля, – говорять, – ось тобі й відкат.
На безмежних полях офшору
ми, як дикі гуси восени, падаємо в холодні
плеса забуття, зі шротом у печінці.

Лукойл

Когда приходит пасха и небо становится терпимее
к нам,
и все напрягаются – мол, пасха, а как же,
тогда в земле начинают переворачиваться покойники,
разбивая локтями холодную глину.
Мне доводилось хоронить друзей,
я знаю, как оно – закапывать своих друзей,
словно собака кость,
ожидая, когда небо
станет к тебе терпимее.

И есть такие социальные группы,
для которых подобные ритуалы особенно важны,
я имею в виду, главным образом, средний бизнес.
Всем доводилось видеть,
какая тоска охватывает этих региональных
представителей российских нефтяных компаний,
когда они съезжаются на бескрайние
кладбищенские поля, чтобы закопать
еще одного брата с отстреленными легкими;

всем доводилось слышать твердое биение сердец,
когда они стоят возле гроба
и вытирают скупые слезы и сопли о свои
дольче и габана,
и хучат хеннеси
из одноразовой
посуды.

Вот так, Коля, – говорят, – вот тебе и откат.
На бескрайних полях офшора
мы, как дикие гуси осенью, падаем в холодные
плесы забвения, с дробью в печенке.

То як, – радяться, – ми
спорядимо нашого брата
в його довгий шлях
до осяйної Валгали Лукойлу?
Хто буде супроводжувати його
в темних печерах чистилища?

Тьолки, – говорять усі, – тьолки,
йому потрібні будуть тьолки,
хороші тьолки,
дорогі й без шкідливих звичок,
вони будуть гріти його взимку,
вони студитимуть йому кров навесні,
ліворуч від нього буде лежати платинова блондинка,
і праворуч від нього буде лежати платинова блондинка,
так, щоби він навіть не помітив, що вже помер.

Ох, ця смерть – територія, де не ходять
наші кредитки.

Смерть – територія нафти,
хай вона омие його гріхи.

Ми покладемо йому до ніг зброю і золото,
хутра і тонко помелений перець.
В ліву руку ми вкладаємо йому останню нокиа,
в праву руку – грамотну ладанку з Єрусалиму.
Але головне – тьолки,
дві тьолки, головне – дві платинові тьолки.
Так, це головне, – погоджуються всі.
Головне, – погоджуються тьолки.
Головне-головне, – підтакує Коля зі своєї домовини.

На великдень ми всі такі сентиментальні.
Стоїмо, чекаємо, коли мертві
встануть і вийдуть до нас із потойбіччя.
Ніколи так не цікавишся смертю,
як ховаючи друзів.

Коли вони третій день чагують
під дверима моргу, він зранку третього дня,
долає, зрештою, смертю смерть, і виходить
до них із крематорію, бачить,
що всі вони знесилено сплять,
після триденного забуху,
лежать просто серед трави,
в обриганих
дольче й габана.

І тоді він тихо,
щоби не розбудити,
забирає в одного з них

Так как, – советуются, – мы
снарядим нашего брата
в его долгий путь
до сияющей Валгаллы Лукойла?
Кто будет сопровождать его
в темных пещерах чистилища?

Телки, – говорят все, – телки,
ему нужны будут телки,
хорошие телки,
дорогие и без вредных привычек,
они будут греть его зимой,
они остудят ему кровь по весне,
слева от него будет лежать платиновая блондинка,
и справа от него будет лежать платиновая блондинка,
так, чтобы он даже не заметил, что уже умер.

Ох, эта смерть – территория, где не ходят
наши кредитки.

Смерть – территория нефти,
пусть она омоет его грехи.

Мы положим ему в ноги оружие и золото,
меха и тонко помолотый перец.
В левую руку мы вложим ему последнюю нокиа,
в правую руку – правильную ладанку из Иерусалима.
Но главное – телки,
две телки, главное – две платиновые телки.
Да, это главное, – соглашаются все.
Главное, – соглашаются телки.
Главное-главное, – поддакивает Коля из своего гроба.

На пасху мы все такие сентиментальные.
Стоим, ждем, когда мертвые
встанут и выйдут к нам с того света.
Никогда так не интересуешься смертью,
как хороня друзей.

Когда они третий день дежурят
под дверью морга, он утром третьего дня
попирает, наконец, смертью смерть, и выходит
к ним из крематория, видит,
что все они обессиленно спят,
после трехдневного запоя,
лежат просто среди травы,
в облеваных
дольче и габана.

И тогда он тихо,
чтобы не разбудить,
забирает у одного из них

підзарядку для нокиа,
і повертається
в пекло
до своїх
блондинок.

подзарядку для нокиа,
и возвращается
в ад
к своим
блондинкам.

Михаил Светлов

Про що пишуть сучасні поети?
Сучасні поети пишуть про зникаючу, примхливу
субстанцію свого страху; сатана поезії змазує
сажею замки на дверях, і ти сидиш зі своїми страхами
і пишеш про це вірші, вірш за віршем,
ось таке враження
лишається
від сучасної
поезії.

Натомість є окремі соціальні групи,
які мало цікавляться
субстанцією страху. Я маю на увазі середній бізнес.
Демони чорного налу,
які підіймають із колін
республіку,
знаючи лише двох справжніх друзів –
друга Стечкина
і друга Макарова.

Поети не знають про любов нічого,
любов – це бажання мати дітей після дефолту.

Хто бачив сонячні хмарочоси в центрі, той мене
зрозуміє.

В одному з них жив Марат,
який тягнув
трубу через Кавказ,
і дотягував її вже до кордону.
Ну, і все було добре –
благословення з боку московського патріархату
і кришування з боку обласної адміністрації,
і три жінки, яких він любив і утримував,
себто дружина, коханка і ще одна жінка, з якою він
трахався,

одним словом – інтенсивне особисте життя.
Але що йому не давало спокою – це його сні,
в яких він виповзав на пекучі поля Андалузії
і сидів на білому піску,
наспівуючи –

о, Андалузیه, жінко
з чорною кров'ю,

Михаил Светлов

О чем пишут современные поэты?
Современные поэты пишут об ускользающей, прихотливой
субстанции своего страха; сатана поэзии смазывает
сажей замки на дверях, и ты сидишь со своими страхами
и пишешь об этом стихи, текст за текстом,
вот такое впечатление
остается
от современной
поэзии.

В то же время есть отдельные социальные группы,
которые мало интересуются
субстанцией страха. Я имею в виду средний бизнес.
Демоны черного нала,
которые поднимают с колен
республику,
признавая лишь двух настоящих друзей –
друга Стечкина
и друга Макарова.

Поэты не знают о любви ничего,
любовь – это желание иметь детей после дефолта.

Кто видел солнечные небоскребы в центре, тот меня
поймет.

В одном из них жил Марат,
который тянул
трубу через Кавказ,
и дотягивал ее уже до границы.
Ну, и все было хорошо –
благословение со стороны московского патриархата
и крышевание со стороны областной администрации,
и три женщины, которых он любил и содержал,
то есть жена, любовница и еще одна баба, с которой он
трахался,

одним словом – интенсивная личная жизнь.
Но что ему не давало покоя – это его сны,
в которых он выползал на жгучие поля Андалузии
и сидел на белом песке,
напевая –

о, Андалузия, женщина
с черной кровью,

ця твоя чорна кров,
чорніша за нафту Месопотамії.

О, Андалузії тиші,
Андалузії пристрасті,
я твій пес, Андалузії,
твій безпантовий бродяга.

Але всі три жінки говорили йому – Марат, йобана
в рот, Марат,
в країні, Марат, бардак, візьми кредит, розрули
з розтаможкою,
кров, Марат, кров у твоїй трубі, кров на твоїх
піджаках.

Але, засинаючи, він усоте повторював:

Твоє чорне-чорне волосся,
довше за коридори Рейхстагу,
довше за чергу на Мостиськах,
довше за прізвища угорських депутатів.

І хто був на окружній в районі ростовської траси,
той знає цей приватний сектор. В одному з тих котеджів
і жила третя жінка Марата,
там він
і забухав.

Щось у ньому зламалось, він взяв таки таки цей
кредит, і приїхав до своєї третьої
жінки
з валізою
бабла.

Ось, – сказав зі злістю, – сто штук, мій кредит,
мої пароплави й порти.
І вже після цього забухав.
Можливо, в ньому теж
озвалася субстанція страху, тому що він пив
день, потім пив ще один день, потім знову пив,
випив парфуми сальвадор далі,
все повторюючи – моя Андалузія, моя Гренада.

Потім у котеджі вони ділили його тіло.
Мені, – сказала дружина, – по хую бабки,
мені потрібен він, я забираю його.
Ні, – сказала коханка, – мені теж по хую бабки,
тим більше я була в долі,
але його забираю я.
А третя сказала, – а ось мені бабки абсолютно не по хую,
ви не подумайте, що я така сука,

эта твоя черная кровь,
чернее нефти Месопотамии.

О Андалузия тишины,
Андалузия страсти,
я твой пес, Андалузия,
твой беспонтовый бродяга.

Но все три женщины говорили ему – Марат, ебанный
в рот, Марат,
в стране, Марат, бардак, возьми кредит, разрули
с растаможкой,
кровь, Марат, кровь в твоей трубе, кровь на твоих
пиджаках.

Но, засыпая, он в сотый раз повторял:

Твои черные-черные волосы,
длиннее коридоров Рейхстага,
длиннее очереди на Мостыськах,
длиннее фамилий венгерских депутатов.

И кто был на окружной в районе ростовской трассы,
тот знает этот частный сектор. В одном из тех коттеджей
и жила третья женщина Марата,
там он
и забухал.

Что-то в нем сломалось, он взял таки этот
кредит, и приехал к своей третьей
женщине
с чемоданом
бабла.

Вот, – сказал со злостью, – сто штук, мой кредит,
мои пароходы и порты.
И уже после этого забухал.
Возможно, в нем тоже
заговорила субстанция страха, потому что он пил
день, потом пил еще один день, потом снова пил,
выпил духи сальвадор дали,
все повторяя – моя Андалузия, моя Гренада.

Потом в коттедже они делили его тело.
Мне, – сказала жена, – по хуй бабки,
мне нужен он, я забираю его.
Нет, – сказала любовница, – мне тоже по хуй бабки,
тем более я была в доле,
но его забираю я.
А третья сказала, – а вот мне бабки абсолютно не по хуй,
вы не подумайте, что я такая сука,

просто сто штук це гроші все-таки, але його я теж
любила,
він навіть парфуми мої випив,
тому він залишиться мені.

І ось вони сиділи над його тілом
і ділили його між собою,
тому що є багато причин триматись за близьких нам
людей,
тому що так чи інакше любов – це командна гра,
тому, врешті-решт, що більше за смерть
кожен із нас боїться
опинитися
сам на сам
зі своїм
життям.

просто сто штук это деньги все-таки, но его я тоже
любила,
он даже духи мои выпил,
поэтому он достанется мне.

И вот они сидели над его телом
и делили его между собой,
потому что есть много причин держаться за близких
нам людей,
потому что так или иначе любовь – это командная игра,
потому, в конце концов, что больше смерти
каждый из нас боится
остаться
один на один
со своей
жизнью.

Гриби Донбасу

Донбас навесні тоне в тумані, і сонце ховається за сопками.
Тому треба знати місця,
треба знати з ким домовлятися.

Це був робітник колишнього насосного цеху,
мужик, потріпаний алкоголізмом.
– Ми, – сказав при знайомстві, – робітники насосного цеху,
завжди вважались елітою пролетаріату, ага, елітою.
Свого часу, коли все полетіло к ебням, багато хто
опустив руки. Лише не працівники
насосного цеху, лише не ми.
Ми тоді зібрали незалежні профспілки гірників,
захопили три корпуси колишнього комбінату
і почали вирощувати там гриби.

– Як гриби? – не повірив я.
– Так. Гриби Хотіли вирощувати кактуси з мескаліном,
але у нас,
на Донбасі, кактуси не ростуть.

Знаєш, що головне, коли вирощуєш гриби?
Головне, щоб тебе перло, точно, друг – головне, щоб перло.
Нас – перло, повір мені, нас і зараз пре, можливо тому,
що ми все-таки еліта пролетаріату.

Ну, і значить що – ми захопили три корпуси і висіяли
наші гриби.

Ну, і там – радість праці, почуття локтя,
сам знаєш – це п'янке відчуття трудових звершень.
А головне – всіх пре! Всіх пре і без грибів!

Грибы Донбасса

Донбасс весной тонет в тумане и солнце прячется за сопками.
Поэтому нужно знать места,
нужно знать, с кем договариваться.

Это был рабочий бывшего насосного цеха,
мужик, потрепанный алкоголизмом.
– Мы, – сказал при знакомстве, – рабочие насосного цеха,
всегда считались элитой пролетариата, ага, элитой.
В свое время, когда все полетело к ебням, много кто
опустил руки. Только не работники
насосного цеха, только не мы.
Мы тогда собрали независимые профсоюзы горняков,
захватили три корпуса бывшего комбината
и начали выращивать там грибы.

– Как грибы? – не поверил я.
– Так. Грибы. Хотели выращивать кактусы с мескалином,
но у нас,
на Донбассе, кактусы не растут.

Знаешь, что главное, когда выращиваешь грибы?
Главное, чтоб тебя перло, точно, друг – главное, чтоб перло.
Нас – перло, поверь мне, нас и сейчас прет, возможно, потому,
что мы все-таки элита пролетариата.

Ну, и значит что – мы захватили три корпуса и выселили
наши грибы.

Ну, и там – радость труда, чувство локтя,
сам знаешь – это пьянящее ощущение трудовых свершений.
А главное – всех прет! Всех прет и без грибов!

Проблеми почались уже за пару місяців. У нас тут серйозний район, сам бачив, нещодавно спалили заправку, причому – міліція там усіх і накрила, вони навіть заправитись не встигли, так хотіли її спалити.
І ось одна бригада вирішила на нас наїхати, вирішила забрати наші гриби, ти увяляєш? Я думаю, на нашому місці будь-хто прогнувся б, такий порядок – прогинаються всі, кожен у міру свого соціального статусу.

Але ми зібрались і подумали – добре, гриби – це добре, але справа не в грибах, і не в почутті ліктя, і навіть не в насосному цеху, хоча це був аргумент. Просто ми подумали – ось зараз зійдуть врожаї, виростуть наші гриби, виростуть і, умовно кажучи, заколосяться, і що ми скажемо нашим дітям, як ми подивимось їм у вічі? Просто є речі, за які ти маєш відповідати, від яких ти не можеш просто так відмовитись.
Ось ти відповідаєш за свій пеніцилін, а я відповідаю за свій.

Одним словом, забилися просто на грибних плантаціях. Там ми їх і повалили. І коли вони падали на теплі серця грибів, ми думали –

*Все, що ти робиш своїми руками, працює на тебе.
Все, що ти пропускаєш крізь власну совість, б'ється в такт із твоїм серцебиттям.
Ми залишились на цій землі, щоби нашим дітям недалеко було ходити на наші могили.
Це наш острів свободи,
розширена свідомість
сільського господарства.
Пеніцилін і Калашиников – два символи боротьби,
Кастро Донбасу веде партизанів
крізь туманні грибні плантації
до Азовського моря.*

– Знаєш, – сказав він мені, – вночі, коли всі засинають і темні ґрунти всмоктують у себе туман, я навіть уві сні відчуваю, як земля рухається навколо сонця, я слухаю, слухаю як вони ростуть –

*гриби Донбасу, нечутні химери ночі,
виходячи з пустоти, виростаючи з кам'яного вугілля,
доки серця стоять, ніби ліфти в нічних будинках,
гриби Донбасу ростуть, ростуть, не даючи померти
від туги усім зневіреним і пропащим,
тому що, чувак, доки ми разом,
доти є кому переривати цю землю,*

Проблемы начались уже через пару месяцев. У нас тут серьезный район, сам видел, недавно сожгли заправку, причем – милиция там всех и накрыла, они даже заправиться не успели, так хотели ее сжечь.
И вот одна бригада решила на нас наехать, решила забрать наши грибы, ты представляешь? Я думаю, на нашем месте каждый прогнулся б, такой порядок – прогибаются все, каждый в меру своего социального статуса.

Но мы собрались и подумали – хорошо, грибы – это хорошо, но дело не в грибах, и не в чувстве локтя, и даже не в насосном цехе, хотя это был аргумент. Просто мы подумали – вот сейчас взойдет урожай, вырастут наши грибы, вырастут и, условно говоря, заколосятся, и что мы скажем нашим детям, как мы посмотрим им в глаза? Просто есть вещи, за которые ты должен отвечать, от которых ты не можешь просто так отказаться.
Вот ты отвечаешь за свой пенициллин, а я отвечаю за свой.

Одним словом, сошлись прямо на грибных плантациях. Там мы их и повалили. И когда они падали на теплые сердца грибов, мы думали –

*Все, что ты делаешь своими руками, работает на тебя.
Все, что ты пропускаешь через собственную совесть, бьется в такт с твоим сердцебиением.
Мы остались на этой земле, чтобы нашим детям недалеко было ходить на наши могилы.
Это наш остров свободы,
расширенное сознание
сельского хозяйства.
Пенициллин и Калашиников – два символа борьбы,
Кастро Донбасса ведет партизан
сквозь туманные грибные плантации
к Азовскому морю.*

– Знаешь, – сказал он мне, – ночью, когда все засыпают и темные почвы впитывают в себя туман, я даже во сне чувствую, как земля движется вокруг солнца, я слушаю, слушаю, как они растут –

*грибы Донбасса, неслышные химеры ночи,
выходя из пустоты, вырастая из каменного угля,
пока сердца стоят, словно лифты в ночных домах,
грибы Донбасса растут, растут, не давая умереть
от тоски всем разуверившимся и пропащим,
потому что, чувак, пока мы вместе,
до тех пор есть кому перекапывать эту землю,*

знаходячи в її теплих нутрощах
чорний колір смерті,
чорний колір життя.

находя в ее теплых внутренностях
черный цвет смерти,
черный цвет жизни.

Mercedes-Benz

Глибока ніч стояла над нами,
і зорі світили нам із піднебесся.
І ось саме цієї глибокої ночі
ми вибирались із бундесу.

І коли така ніч і нікого навколо,
і по радіо всі говорять лише польською мовою,
на крайняк – німецькою,

завжди згадуєш усіх рідних і близьких.
Ось і я згадував собі, згадував, і не міг згадати.
Як же так, думав, все життя – як оце
польське радіо: жодної тобі поваги до православних,
демократія, думав я, їбав я таку демократію.

Що приховувала ця ніч? З чого все почалось?
Партнери в Берліні, стрілки під російською синагогою,
нормальний курс, гарантія на пів року
з правом продовження.

І оця ось жінка, ці ночі, повні вогню,
готель, в якому вона працювала,
і я шепотів їй – Натаха, твоє серце зараз у моїх руках,
я відчуваю, яке воно ніжне й гаряче,
і вона сміялась, відводячи очі – придурок, ну це ж не серце,
це силікон, відпусти його, це зовсім не серце, серце у мене тверде і холодне,
таке як хокейні шайби.

І ось ми разом вибирались із бундесу, з її документами і моїми боргами,
наче Марія і Йосип на двох віслюках,
купуючи на заправках лише найнеобхідніше –
консерви і презервативи.

Вже десь під Варшавою, коли і консерви не лізли,
і радіо глохло від втоми, я почав засинати,
підіймаючись у піднебесся.
І тоді на трасі з'явився мотель.
Вона його помітила першою.
Першою вона до нього і увійшла.

Натаха, просив я її, тільки не радіо, лише
пару годин, Натаха, дай охолонути своєму силікону,
вимкни на хуй це радіо «Марія», що ти хочеш почути?
Які новини можуть бути у католиків?
В них немає новин з часу останнього хрестового походу.
Дай відпочити своєму серцю, шепотів я, дістаючи

свої пилки і ножиці,
дай йому відпочити.

За дві години, прокинувшись, витягнув її з душу і переніс
до машини. Ну, думаю, справді – не ховати ж її до багажника, тупо якось:
кохану жінку совати в багажник, хай уже сидить поруч зі мною,
доїду до Мостиська – поховаю по-людськи.

І вже на самому кордоні, не знаю, що зі мною трапилось,
ранок був холодний і свіжий, і я
на якусь мить відійшов собі відлити.

І саме тоді вони й випасли наш мерседес –
троє берлінських знайомих, котрі йшли по сліду, винюхували нас
серед темних доріг, тепер стояли біля машини і говорили –
тихо, говорили один до одного, тьолка спить, він десь поруч, тихо,
не розбудіть тьолку,
не розбудіть тьолку.

Що такий смурний, братішка, – запитав український таксист,
вже на виїзді з Мостиська, – що за діла? А що я міг йому сказати?
Я ніби пілот Люфтваффе,
так ніби юнкерс мій підбили а сам я встиг вистрибнути.
Мені б тішитись, а я стою посеред лісу,
і лише повторюю: блядь, ну звідки тут стільки
білоруських партизанів?

Ну що, далі водій почав співати,
ясна річ – бандитські пісні,
такі поморочені, що їх жодними словами не перекажеш,
але приблизно таке:

не плач, моє серце, не плач,
не муч душу свою картонну,
ми ще зустрінемось
з того боку кордону.

з того боку життя,
з того боку державної митниці.
ми ще побачимось
де-небудь в районі Вінниці.

я люблю цю країну
навіть без кокаїну,
небо це березневе,
без тебе, серце, без тебе.

кину все, що виніс,
перепродам свій бізнес,
вийду на берег Дунаю,
там і сконаю.

Mercedes-Benz

Глубокая ночь стояла над нами,
и звезды светили нам с небес.
И вот именно такой глубокой ночью
мы выбирались из бундеса.

И когда такая ночь и никого вокруг,
и по радио все говорят лишь по-польски,
на крайняк – по-немецки,
всегда вспоминаешь всех родных и близких.

Вот и я вспоминал себе, вспоминал, и не мог вспомнить.
Как же так, думал, вся жизнь – как это
польское радио: никакого тебе уважения к православным,
демократия, думал я, ебал я такую демократию.

Что скрывала эта ночь? С чего все началось?
Партнеры в Берлине, стрелки у русской синагоги,
нормальный курс, гарантия на полгода
с правом продления.

И вот эта женщина, эти ночи, полные огня,
отель, в котором она работала,
и я шептал ей – Натаха, твое сердце сейчас в моих руках,
я чувствую, какое оно нежное и горячее,
и она смеялась, отводя глаза – придурок, ну это ж не сердце,
это силикон, отпусти его, это совсем не сердце, сердце у меня твердое и холодное,
как хоккейная шайба.

И вот мы вместе выбирались из бундеса, с ее документами и моими долгами,
словно Мария и Иосиф на двух ослах,
покупая на заправках только необходимое –
консервы и презервативы.

Уже где-то под Варшавой, когда и консервы не лезли,
и радио глохло от усталости, я начал засыпать,
поднимаясь в поднебесье.

И тогда на трассе появился мотель.
Она его заметила первой.
Первой она в него и вошла.

Натаха, просил я ее, только не радио, еще
пару часов, Натаха, дай остыть своему силикону,
выключи на хуй это радио «Мария», что ты хочешь услышать?
Какие новости могут быть у католиков?
У них нет новостей со времен последнего крестового похода.
Дай отдохнуть своему сердцу, шептал я, доставая
свои пилки и ножницы,
дай ему отдохнуть.

Через два часа, проснувшись, вытащил ее из душа и перенес
в машину. Ну, думаю, в самом деле – не прятать же ее в багажник, тупо как-то:

любимую женщину совать в багажник, пусть уже сидит рядом со мной,
доеду до Мостыська – похороню по-людски.

И уже на самой границе, не знаю, что со мной случилось,
утро было холодным и свежим, и я
на минутку вышел себе отлить.

И вот тогда они и вычислили наш мерседес –
трое берлинских знакомых, которые шли по следу, вынюхивая нас
среди темных дорог, теперь стояли возле машины и говорили –
тихо, говорил один другому, телка спит, он где-то рядом, тихо,
не разбудите телку,
не разбудите телку.

Что такой смурной, братишка, – спросил украинский таксист,
уже на выезде из Мостыська, – что за дела? А что я мог ему сказать?
Я словно пилот Люфтваффе,
так, будто юнкерс мой подбили, а сам я успел выпрыгнуть.
Мне бы радоваться, а я стою посреди леса,
и лишь повторяю: блядь, ну откуда здесь столько
белорусских партизан?

Ну что, дальше водитель начал петь,
ясное дело – бандитские песни,
такие помороченные, что их никакими словами не перескажешь,
но примерно такое:

не плачь, мое сердце, не плачь,
не мучь свою душу картонную,
мы еще встретимся
где-нибудь за кордоном

пройдя таможню
еще повезет увидеться
по ту сторону жизни
где-то в районе Винницы.

я эти люблю равнины
даже без кокаина,
небо в мартовских тучах,
но ты меня, сердце, не мучай.

брошу все, что вынес,
перепродам свой бизнес,
выйду на берег Дуная
и в ящик сыграю.

Трамадол

Просування товару на ринок
починається з активізації цільової аудиторії.
Це як у біблій – спочатку приходять предтеча і розводять
усіх на кредити з відсотками, потім з'являється

спаситель і ліквідує відсотки, лишаючи, втім,
кредити. Потрібно було уважно слухати книги,
які нам читали в дитинстві, ось що я думаю, кожного
разу, коли доводиться чути
про трамадол.

Вся ця дитяча боротьба українського лібералізму
з опіатами, вона нагадує мені діяльність червоного хреста
часів першої світової, коли члени царської родини
працювали медсестрами у військових шпиталях.
Я собі це добре уявляю – ось ти лежиш без правої ноги,
і все, що тобі хочеться – це просто нормально потрахатись,
навіть без правої ноги, це ж не обов'язково, правильно?
А тут сидить якась сука із царської родини і читає
тобі про царицю Савську.
Те саме і з трамадолом.

Кілька років тому, коли ми переживали
черговий сплеск боротьби з дитячою наркоманією,
і коли почали брати навіть не за вживання,
а просто за купівлю товару в офіційних
торгових точках,
молодь Харкова знайшла чудесний спосіб
боротьби з системою –
вона підходила до аптечних кіосків, замовляла свій трамадол,
засовувала голову до віконечка, і кіоскер клав їй її
трамадол просто на язик:
піді впіймай мене, якщо зможеш.

За всім цим стоїть дух просвітництва:
господь наш вигадав трамадол, аби
згладити ті гострі протиріччя, котрі існують
в загальному цивілізаційному розвитку.
Трамадол відкладається на устах закоханих,
коли вони цілуються в кінотеатрах.
Трамадол приносять птахи у дзьобах,
навесні, коли повертаються з Гурзуфу.

Система бореться не з нами,
система бореться з нашими шкідливими звичками.

Щовечора веселі ватаги підлітків
вибираються на чергові бойові виправи,
в святкових спортивних костюмах,
взявши з собою лише бритви і мобільники,
відправляються до найближчого аптечного кіоску
визволяти Єрусалим від невірних.

Ті з них, кому пощастить,
охоронятимуть гроб господній.

Ті, кому не пощастить,
охоронятимуть платні стоянки.

Бритви їм залишать у будь-якому разі.

Трамадол

Продвижение товара на рынок
начинается с активизации целевой аудитории.
Это как в библии – сначала приходит предтеча и разводит
всех на кредиты с процентами, потом появляется
спаситель и ликвидирует проценты, оставляя, впрочем,
кредиты. Надо было внимательно слушать книги,
которые нам читали в детстве, вот что я думаю всякий
раз, когда доводится слышать
о трамадоле.

Вся эта детская борьба украинского либерализма
с опиатами, она напоминает мне деятельность красного креста
времен первой мировой, когда члены царской семьи
работали медсестрами в военных госпиталях.
Я себе это хорошо представляю – вот ты лежишь без правой ноги,
и все, что тебе хочется – это просто нормально потрахаться,
даже без правой ноги, это ведь не обязательно, правильно?
А тут сидит какая-то сука из царской семьи и читает
тебе про царицу Савскую.
То же самое и с трамадолом.

Несколько лет назад, когда мы переживали
очередной всплеск борьбы с детской наркоманией,
и когда начали забирать даже не за употребление,
а просто за покупку товара в официальных
торговых точках,
молодежь Харькова нашла чудесный способ
борьбы с системой –
она подходила к аптечному киоску, заказывала свой трамадол,
засовывала голову в окошечко, и киоскер клал ей ее
трамадол прямо на язык:
поди поймай меня, если сможешь.

За всем этим стоит дух просвещения:
господь наш придумал трамадол, чтобы
сгладить те острые противоречия, которые существуют
в общем цивилизационном развитии.
Трамадол откладывается на устах влюбленных,
когда они целуются в кинотеатрах.
Трамадол приносят птицы в клювах,
весной, когда возвращаются из Гурзуфа.
Система борется не с нами,
система борется с нашими вредными привычками.

Каждый вечер веселые ватаги подростков
выбираются на очередные боевые вылазки,
в праздничных спортивных костюмах,
взяв с собой лишь бритвы и мобильники,
отправляются к ближайшему аптечному киоску
освобождать Иерусалим от неверных.

Те из них, кому повезет,
будут охранять гроб господень.
Те, кому не повезет,
будут охранять платные стоянки.

Бритвы им оставят в любом случае.

Риби помирають мовчки

Вона прокинулася, вилізла з ліжка і сказала – все, кінець, зараз я йому покажу, він запам'ятає цей день на все своє йобане життя. Навіть якщо він буде жити довго, а скоріше за все він не буде жити довго, а здохне вже через пару років від свого канабісу, але все таки – навіть якщо він буде жити довго, до ста років, скажімо, він до останнього подиху буде пам'ятати цей день. Він із жахом згадуватиме про нього, як про ДЕНЬ ВЕЛИКОЇ ПОМСТИ МУДАКАМ І УРОДАМ. Тому що він і є найбільшим мудаком і найбільшим уродом, і я зроблю так, щоби він про це не забував ні на хвилину. Я розбомблю цю його смердючу нору, я знищу всі його запаси тютюну і алкоголю, я випущу кишки його рибкам ножицями для манікюру, я розріжу на довгі смуги всі його светри й футболки, я спушу в унітаз всі його антидепресанти, щоби цей мудака і урод загнувся від великої депресії, мов американська економіка. Я поріжу собі долоні його бритвами і напишу власною кров'ю на стінах – СМЕРТЬ УРОДАМ, ЯКІ ПРИНИЖУЮТЬ ЖІНОЧУ ГІДНІСТЬ! СМЕРТЬ УРОДАМ, ЯКІ П'ЮТЬ МОЮ КРОВ З ШОСТОЇ РАНКУ ДО ДЕСЯТОЇ ВЕЧОРА! А якщо мені не вистачить для цього власної крові, я скористаюсь спреями, помадою та гуталіном. Він буде змушений кожного ранку, прокинувшись, читати правду про себе і собі подібних. Я помщуся йому за всі три тижні спільного з ним проживання, за кожен із двадцяти днів, які він у мене забрав. Він буде прокидатись уночі й бачити над собою величні й строгі написи, які я залишу йому на згадку про свої понівечені три тижні. З цього я і почну!

Жіночі розмови завжди закінчуються несподівано, всі ці виплески ірраціональності й неадекватності заливають собою навколишній простір, і тоді всім доводиться бовтатись у цих бурхливих водах, не маючи сил вибратись на суше. Жіночі голоси, які супроводжують нас упродовж нашого життя, їхній іронічний шепіт, їхні істерики, переважно все-таки істерики, але й іронічний шепіт також – дивні зразки того, як не потрібно складати слова, як не варто будувати свою пряму мову, показові приклади того, як навіть із незначного лексичного запасу можна виготовляти лінгвістичні бомби, що розриватимуть тебе на шматки своєю незбагненністю, усіма своїми внутрішніми протиріччями. Я думаю, джаз був придуманий для того, аби хоч якось функціонально задіяти ці голосові зв'язки, всіх жінок потрібно відправляти на хоровий спів на перевиховання. Так, такий ось побутовий фашизм, і не говоріть мені, що я помиляюсь. Чорта з два. За своє життя я вислухав стільки психоделічної пурги з вуст, скажімо, кондукторів-контролерок, що знаю про що говорю. Жіночі голоси не пристосовані для виголошення декретів та універсалів, вони інакше влаштовані, у них інша анатомія, у цих голосів. Джаз, секс і заковтування шабель – займіть нарешті своє місце в суспільстві, заповніть своїми голосами належну вам нішу в радіоэфірі, давайте, зрештою, займатись кожен своєю справою: я – виголошенням декретів та універсалів, ви – заковтуванням шабель. Потім порахуємо втрати.

Все, сказала вона, видавлюючи на палець рештки чорної фарби, ось тепер все. Тепер цей СУЧИЙ СИН запам'ятає мене назавжди. Шкода, що не довелось сказати йому це в очі. Але нічого. Навіть попри те, що я його БІЛЬШЕ НІКОЛИ

НЕ ПОБАЧУ, він запам'ятає цей день надовго. Він буде з жахом згадувати ці затягнуті у вузол сорочки, цей кришений посуд, цих сучих рибок, які стрибають від мене під крісла, цей телевизор у ванні – о, це він запам'ятає особливо, хай він навіть не працював – цей телевизор, але все-одно – з яким задоволенням я його туди запхала. Все, це кінець, я зробила все, що могла, і сказала все, що хотіла. До побачення.

І тут я повернувся.

Рыбы умирают молча

Она проснулась, вылезла из постели и сказала – все, конец, сейчас я ему покажу, он запомнит этот день на всю свою ебаную жизнь. Даже если он будет жить долго, а скорее всего он не будет жить долго, а сдохнет уже через пару лет от своего каннабиса, но все-таки – даже если он будет жить долго, до ста лет, скажем, он до последнего вдоха будет помнить этот день. Он с ужасом будет вспоминать про него, как про ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ МСТИ МУДАКАМ И УРОДАМ. Потому что он и есть наибольший мудака и наибольший урод, и я сделаю так, чтобы он об этом не забывал ни на минуту. Я разбомблю эту его вонючую нору, я уничтожу все его запасы табака и алкоголя, я выпущу кишки его рыбкам маникюрными ножницами, я разрежу на длинные полосы все его свитера и футболки, я спущу в унитаз все его антидепрессанты, чтобы этот мудака и урод загнулся от великой депрессии, словно американская экономика. Я порежу себе ладони его бритвами и напишу собственной кровью на стенах – СМЕРТЬ УРОДАМ, ЧТО УНИЖАЮТ ЖЕНСКОЕ ДОСТОИНСТВО! СМЕРТЬ УРОДАМ, ЧТО ПЬЮТ МОЮ КРОВЬ С ШЕСТИ УТРА ДО ДЕСЯТИ ВЕЧЕРА! А если мне не хватит для этого собственной крови, я воспользуюсь спреями, помадой и гуталином. Он будет вынужден каждое утро, проснувшись, читать правду о себе и себе подобных. Я отомщу ему за все три недели совместного с ним проживания, за каждый из двадцати дней, которые он у меня отнял. Он будет просыпаться ночью и видеть над собой величественные и строгие надписи, которые я оставлю ему на память о своих исковерканных трех неделях. С этого я и начну!

Женские разговоры всегда заканчиваются неожиданно, все эти всплески иррациональности и неадекватности заливают собой окружающее пространство, и тогда всем приходится бултыхаться в этих бурных водах, не имея сил выбраться на сушу. Женские голоса, которые сопровождают нас в течение нашей жизни, их ироничный шепот, их истерики, в основном все-таки истерики, но и ироничный шепот тоже – странные образцы того, как не нужно складывать слова, как не стоит выстраивать свою прямую речь, показательные примеры того, как даже из незначительного лексического запаса можно делать лингвистические бомбы, что будут разрывать тебя на куски своей необъяснимостью, всеми своими внутренними противоречиями. Я думаю, джаз был придуман для того, чтобы хоть как-то функционально задействовать эти голосовые связки, всех женщин нужно отправлять на хоровое пение для перевоспитания. Да, такой вот бытовой фашизм, и не говорите мне, что я ошибаюсь. Черта с два. За свою жизнь я выслушал столько психоделической пурги из уст, скажем, кондукторш-контролеров, что знаю, о чем говорю. Женские голоса не приспособлены для оглашения декретов и деклараций, они иначе устроены, у них другая анатомия, у этих голосов. Джаз, секс и проглатывание шпага – займите, наконец, свое место в обществе, заполните своими голосами надлежащую вам нишу в радиоэфире, давайте, в конце концов, заниматься каждый своим делом: я – оглашением декретов и деклараций, вы – проглатыванием шпага. Потом подсчитаем убытки.

Все, сказала она, выдавливая на палец остатки черной краски, вот теперь все. Теперь этот СУКИН СЫН запомнит меня навсегда. Жаль, что не довелось сказать ему это в глаза. Но ничего. Даже несмотря на то, что я его БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ УВИЖУ, он запомнит этот день надолго. Он будет с ужасом вспоминать эти завязанные узлом рубашки, эту битую посуду, этих сучьих рибок, что скачут от меня под стулья, этот телевизор в ванне – о, это он особенно запомнит, пусть он даже не работал – этот телевизор, но все равно – с каким удовольствием я его туда засунула. Все, это конец, я сделала все, что могла и сказала все, что хотела. До свидания.

И тут я вернулся.

Циганські королі

І ось циганські королі теж відходять до темних лісів,
королі криміналу і парків культури, час відійти від справ,
перепродати бізнес, до темних лісів, до озер забуття.
Привиди чорних циганських королів із золотими долонями,
привиди, що були зі мною завжди, і ось коли їх
починають відстрілювати, мов кабанів, пробиваючи сіру щетину,
як не згадати усі ці розповіді про відрізані голови на циганських могилах,
ого, думаю, справді – як не згадати, вони нікуди і не
дівались, королі маленьких містечок,
навіть якщо небо впаде на землю вони висипатимуть
пісок із жовтих черевиків,
все що в інших культурах пишеться на тисячах сторінок
церковних книг вони вміщують у написах
на своїх передпліччях,

цивілізація, що тримається на золоті й цукровій ваті,
о, цивілізація відмивання банкнот,
циганські королі зникають між деревами,
життя було довге і печальне,
смерть буде легкою і непомітною,
наступне життя також буде довгим,
довгим-довгим,
легким і печальним.

І ось останній циганський король, який приїхав стопом із Польщі,
розповідає нам про методи ведення бізнесу, про свою подорож,
спочатку життя відстрілює тих, хто стоїть на стрьомі, – пояснює він, –
смерть ходить колами, кола звужуються, страх підступає до горла,
час відходити до озер забуття,
дорога за мною вистелена трупами жінок і золотими портсигарами,
я зібрав мито з усіх, кого міг згадати,
мій фольксваген горів, як берлінська синагога,
і мої діти, мов сороки, знімають намиста з жінок уві сні,
а зустрівшись під магазинами старого одягу,
їдять кукурудзу, ніби грають на губних гармоніках.

Спочатку життя намагається прибрати свідків,
голоси тих, хто зникає, страх тих, хто лишається,
і колони автобусів із їхніми сім'ями в'їжджають у темряву,
висвітлюючи фарами територію смерті,

і ось

по траві, по придорожній траві,
по насипах, на яких не росте трава,
вони переходять – вимучені і живі –
на той бік трави, де вона теж жива.

І ти питаєш трави – чому ти далі ростеш?
Знаючи, що трава буде і далі рости
поміж тим місцем, звідки ти, власне, йдеш
і місцем, куди ти хочеш прийти.

І доки вони переходять на інший бік,
з того боку трави чути як замовка
їхній шепіт, і хто з них іще не зник,
той, ніби власний шепіт, поволі зника,

чути як зупиняється серцебиття,
чути як серед насипів мовчазних
спочатку вони виходять із цього життя,
потім життя повільно виходить із них.

Цыганские короли

И вот цыганские короли тоже отходят к темным лесам,
короли криминала и парков культуры, время отойти от дел,
перепродать бизнес, к темным лесам, к озерам забвения.
Призраки черных цыганских королей с золотыми ладонями,
призраки, которые были со мной всегда, и вот когда их
начинают отстреливать, как кабанов, пробивая серую щетину,
как не вспомнить все эти рассказы про отрезанные головы на цыганских могилах,
ого, думаю, и правда – как не вспомнить, они никуда и не
девались, короли маленьких городков,
даже если небо упадет на землю, они продолжают высыпать
песок из желтых ботинок,
все, что в других культурах пишется на тысячах страниц
церковных книг, они вмещают в надписи
на своих предплечьях,

цивилизация, что держится на золоте и сахарной вате,
о, цивилизация отмывания банкнот,
цыганские короли исчезают между деревьев,
жизнь была долгой и печальной,
смерть будет легкой и незаметной,
следующая жизнь также будет долгой,
долгой-долгой,
легкой и печальной.

И вот последний цыганский король, приехавший стопом из Польши,
рассказывает нам про методы ведения бизнеса, про свое путешествие,
сначала жизнь отстреливает тех, кто стоит на стреме, – объясняет он, –
смерть ходит кругами, круги сужаются, страх подступает к горлу,
время уходит к озерам забвения,
дорога за мной устлана трупами женщин и золотыми портсигарами,
я собрал дань со всех, кого смог вспомнить,
мой фольксваген горел, как берлинская синагога,

и мои дети, как сороки, снимают мониста с женщин во сне,
а встретившись у магазинов старой одежды,
едят кукурузу, словно играют на губных гармониках.

Сначала жизнь пытается убрать свидетелей,
голоса тех, кто исчезает, ужас тех, кто остается,
и колонны автобусов с их семьями въезжают в темноту,
высвечивая фарами территорию смерти,

и вот

по траве, растущей вдоль обочин дорог,
по насыпям, где не растет трава,
они переходят, от усталости не чувствуя ног,
на ту сторону травы, где она тоже жива.

И ты спрашиваешь траву – зачем ты дальше растешь?
Зная, что трава будет и дальше расти
между тем местом, откуда ты, вообще-то, идешь
и местом, куда ты хочешь прийти.

Пока на другую сторону переходят они сквозь лес,
с той стороны травы слышно, что смолк почти
их шепот, и кто из них еще не исчез,
тот, словно собственный шепот, исчезнет, как ни крути,

слышно, что сердцу уже ничем не помочь,
слышно, как среди насыпей немых
сначала они из этой жизни уходят прочь,
потом жизнь медленно уходит из них.

Галина КРУК

***

Якоїсь ранньої осені, коли нав'язливі мухи думок
не зуміють добудитися тебе на світанку,
на тому останньому плацдармі сну,
з якого вже нема куди відступати
ти озирнешся на все це, мовби побачивши вперше:
будиночок на згір'ї,
весь у заростях дикого винограду
і розхристаних хризантем,
аскетичне ліжко,
яке пам'ятає всі проказані тут молитви
складний чоловік за стіною, з яким не склалося...
визнай свою поразку,
врешті – визнай свою поразку!
цієї зраненої осені,
що, як відсталий від своїх комбатант,
знесилено тягне за собою кривавий слід –
подалі від людей,
подалі від їх захриплого радіоприймача,
який щогодини передає новини з лінії фронту,
подалі від лінії фронту,
яка ніколи не буває прямою, як горизонт
а вже краще сказати – ламаною,
як мова на окупованій території,
як кардіограма твого серця,
яке все ще б'ється саме зі собою
за право не битися

***

ховаючи велике в малому,
вона завжди потерпає на митниці
стискає валізу з наліпками
липкими від страху пальцями
ану-ж бо хтось із них придивиться до неї уважніше,
запитає вимогливо:
а що там у тебе, мала, всередині?
хвилювання її видає з головою,
видається, що всі вони
як на рентгені, бачать у ній приховане:
цю скіфську бабу з плоскими грудьми старечими,
ці заганні в душу мечі з руків'ями інкрустованими

Галина КРУК

***

какой-то ранней осенью,
когда назойливый рой мыслей
не сможет добудиться тебя на рассвете
на том последнем плацдарме сна,
с которого уже некуда отступить
ты оглянешься на все это,
словно увидев впервые:
домик на взгорье,
весь в зарослях дикого винограда
и расхристанных хризантем,
аскетичная кровать,
которая помнит все произнесенные здесь молитвы,
сложный человек за стеной,
с которым не сложилось...
признайся в своем поражении,
в конце концов признайся в своем поражении
этой раненой осенью,
которая, как отставший от своих рядовой,
обессилена волочет за собой кровавый след –
подалее от людей,
подалее от их охрипшего радиоприемника,
что каждый час передает новости с линии фронта,
подалее от линии фронта,
которая никогда не бывает прямой, как горизонт
уж лучше сказать – ломаной,
как язык на оккупированной территории,
как кардиограмма твоего сердца,
которое все еще бьется с самим собою
за право не биться

***

укрывая большое в малом,
она всякий раз боится таможни
сжимает чемодан с наклейками
клейкими от страха пальцами
а вдруг кто-то из них присмотрится к ней повнимательнее,
спросит строго:
а что там у тебя внутри, девочка?
волнение выдает ее с головой,
сдается, что все они,
как на рентгене, видят то, что в ней спрятано:
эту скифскую бабу с плоской старческой грудью,
эти застрявшие в самом сердце мечи
с инкрустированными рукоятками

це неслухняним пасмом прикрите
 лице іконної Богородиці
 ці заховані глибоко в пам'яті
 рукописи з вицвілими уставами й півуставами,
 із розкішними, як на знавця, маргінесами...
 ці кириличні літери, для їхніх очей нестравні
 і нарешті – те, що на споді –
 життєвого досвіду важкі наркотики,
 кишеньковий вібратор, мама-анархія,
 переконання, що терористи теж мають рацію,
 заборонена література: від «Перверзії»
 до «Порнографії» –
 як усе це вписати їй до митної декларації?..

этот прикрытый непослушной прядью
 лик иконной Богородицы
 эти укрытые в глубинах памяти
 рукописи с выцветшими уставами и полууставами,
 с роскошными, как на ценителя, полями...
 эти кириллические буквы, несъедобные для их глаз
 и наконец – то, что на самом дне –
 тяжелые наркотики жизненного опыта,
 карманный вибратор, мама-анархия,
 убеждение, что иногда террористы правы бывают тоже,
 запрещенная литература: от «перверзии»
 до «порнографии»² –
 как все это вписать ей в декларацию на таможене?..

***

сниться мені бомбосховище на околиці пам'яті,
 останнє вціліле зі шкільних уроків воєнки
 – *більше війни не буде*, – казала нам вчителька,
але кожен із вас, діти, мусить з'явити:
у разі ядерного вибуху,
застосування зброї масового враження
чи іншого казусу
слід спускатися в бомбосховище, уникаючи паніки,
брати лише необхідне, нічого зайвого
теплі речі, якби війна затягнулась до холоду –
в бомбосховищі, знаєте, діти, не вмикають опалення
 – а хіба там і без того не буде гаряче? –
 кидав хтось із задньої партії дотепну репліку
 – *а тебе, Гриновець, взагалі не відомо чи пустять ще,*
всім не вистачить місця,
запаси води та харчів обмежені...
 вже знаю,
 при тому армагедоні не вдасться уникнути паніки,
 скількох буде затоптано
 при вході до останнього бомбосховища?
 не уявляю, як ти, Боже, роби́тимеш вибірку –
 кожен десятитисячний?
 кожен мільйонний?
 а похибка?
 вірю, що обійдеться без дискримінації
 за статтю, расою, віросповіданням
 хочеться вірити...
 скільки ковтків повітря кожному з них вистачить,
 доки вони чекатимуть свого *deus ex machina*...
 – *кожен клас*, – казала нам вчителька, –

² Названия романов современного украинского писателя Юрия Андруховича и польского классика XX века Витольда Гомбровича. – Прим. пер.

*тримається свого вчителя,
і ще раз повторюю –
не ганяти в проходах між нарами,
мати при собі в нагрудній кишені білочку з іменем,
написану каліграфічним,
а не таким, як у тебе, Федечко, почерком...
навіщо? – дивуюся досі
напевно, для того, щоб ангели,
які виноситимуть душі (бо ніхто ж насправді не виживе)
щоб ангели в білих одежах з червоним хрестом
(і півмісяцем?)
щоб ангели знали, як до тебе, малий, звертатися...*

***

*снится мне бомбоубежище на окраине памяти –
последнее, что уцелело от уроков начальной военной подготовки
– войны больше не будет, – говорил нам учитель, –
но каждый из вас должен помнить:
в случае атомного взрыва
применения оружия массового поражения
или иного недоразумения
нужно спускаться в бомбоубежище, избегая паники,
брать с собой только необходимое, ничего лишнего,
теплые вещи, если война затянется до зимы
в бомбоубежище, знаете, отопления нет
– а там ведь и так будет жарко! –
острил кто-то с задней парты
– а тебя, Гриновец, вообще не известно, пустят ли,
всем не хватит места, запасы воды и пищи ограничены...
я знаю – при таком вот армагеддоне не обойдется без паники,
скольких затопчут перед входом в последнее бомбоубежище?
и не представляю – как ты, Господи, будешь делать выборку –
каждый десятитысячный?
каждый миллионный?
а погрешность?
я верю, не будет дискриминации
по половому,
расовому,
религиозному признакам
хочется верить
сколько глотков воздуха каждому из них хватит,
пока они будут ждать своего «deus ex machina»...
– каждый класс, – говорил нам учитель, – держится старшего,
и еще раз повторюю – не бегать в проходах между койками,
иметь при себе в нагрудном кармане бирочку с именем,
написанную каллиграфическим,
а не таким, как у тебя, Федоренко, почерком...
для чего? – до сих пор удивляюсь*

наверное,
 чтобы ангелы,
 которые станут вытаскивать наши души
 (потому что никто ведь не выживет)
 чтобы ангелы в белых одеждах с красным крестом (и полумесяцем?)
 чтобы ангелы знали, как к тебе, малыш, обращаться

***

зрідка до мене заходить чеченка-смертниця,
 сідає край столу і ми подовгу розмовляємо про дітей
 бо про що ще можуть розмовляти жінки
     із такими просвітленими обличчями
 – мій учора вперше запитав про смерть, – кажу їй, –
 і я плутано намагалася пояснити йому, чому...
 – мій мене зрозуміє без жодних пояснень, – каже вона, –
 знаєш, вони тепер так швидко доростають
     до першого пострілу...
 – як до першого причастя, – думається мені,
     але то вже з нашої – soft-версії – вічності
 ми так часто намагаємося виховати наших синів погідними,
 що вони врешті-решт помирають від втрати гідності
 – a la guerre comme a la guerre, –
     каже вона з досвіду своєї французької філології
     та чеченської історії
 і я не маю що їй заперечити з досвіду своєї української,
 переобтяженої недоречними пестливими суфіксами
     та суцільними знаками м'якості
 ми так ретельно навчаємо наших синів політкоректності,
 що вони врешті-решт помирають від ніяковості
 – світ не лишає нам жодного іншого виходу, –
     каже вона на прощання,
     і я поправляю її волосся, що вибилося
 розкішне чорне волосся
     під добротними армійськими черевиками –
 програшна роль матері
     у касовому російському мюзиклі

***

иногда ко мне заходит чеченка-смертница
 садится к столу и мы подолгу разговариваем о детях
 о чем еще могут разговаривать женщины
     с такими просветленными лицами
 – мой вчера впервые спросил меня о смерти, – говорю ей, –
 и я путано пыталась объяснить ему, почему

– мой поймет меня без всяких объяснений, – говорит она, –
 знаешь, они теперь так быстро дорастают
     до первого выстрела...
 – как до первого причастия, – думаю,
     но это уже из нашей soft-версии вечности
 мы так часто стараемся воспитать наших сыновей достойными
 что они в конце концов умирают от потери собственного достоинства
 – a la guerre comme a la guerre, –
     говорит она исходя из опыта своей французской филологии
     и чеченской истории
 и мне нечего возразить ей исходя из опыта моей украинской,
 перегруженной неуместными ласкательными суффиксами
     и сплошными мягкими знаками
 мы так тщательно учим наших сыновей политкорректности
 что они в конце концов умирают от неуверенности
 – мир не оставляет нам другого выхода, –
     говорит она на прощание
     и я поправляю ее выбившиеся волосы,
 роскошные черные волосы
     под каблуками добротных солдатских ботинок –
 проигрышная роль матери
     в кассовом русском мюзикле

***

***

поети не мають статі
     лише недолугі випуклини слів на тілі,
     як вторинні статеві ознаки
 багаторічний заріст вражень,
     яких ніяк не вдається вивісти
 зголити його чи лишити для шарму?
 бородатий Гемінгвей упольовує свою смерть –
 ліниву левицю у заламаній траєкторії польоту
 вона падає на нього стрімко і важко,
     як тропічна злива після довгої посухи
 скільки ж він мусив чекати її,
     спраглий, зачаєний,
 годуючи власною кров'ю москітів буденності?!
 зрештою, хто кого мусить чекати
     в цьому неписаному кодексі екзистенції,
     хто кого упольовує?
 поети не мають статі
     гермафродити самотності
 незрозуміло прагнучи щоразу іншого Іншого,
 народжують в муках тільки самих себе,
     вкотре повторених
 повторення повторення
     repeate please
     повторення повторення

поэты бесполоы
     у них только неразвитые выпуклости слов на теле,
     как вторичные половые признаки
 многолетняя щетина впечатлений
     которых никак не удастся передать словами
 сбрить ее или оставить для шарма?
 старина Хэм охотится на собственную смерть –
 ленивую львицу в изломанной траектории полета
 она падает на него тяжело и резко,
     как тропический ливень после долгой засухи
 сколько же он должен был ждать ее,
     голодный, затаившийся,
 вскармливая своей кровью москитов повседневности?
 впрочем, кто кого должен ждать
     по этому неписанному кодексу экзистенции,
     кто на кого охотится?
 поэты бесполоы
     гермафродиты одиночества
 подсознательно отдаваясь все новому Новому,
 они рожают в муках только самих себя,
     в который раз повторенных
 повторения повторения
     repeat please
     повторения повторения

як вирватися із цих хула-хупів тілесної визначеності?
 погоджуючи в собі відмінності
     згладжуючи геніталії
 все буде гладко, Гемінгвею,
     без жодної зачіпки
 перейдено останні рубікони самоідентифікації
 розрубано гордієві вузли взаємних зобов'язань
 відпущено згори сізифів камінь життя
 геніальність не має статі
     лише роз'ятрене від крику горло
                     поміж ногами

как вырваться из этих обручей телесной заданности?
 устраняя различия
     сглаживая гениталии
 все будет гладко, Хэм,
     без сучка – без задоринки
 перейдены последние рубиконы самоидентификации
 разрублены гордиевы узлы взаимных обязательств
 сброшен сизифов камень жизни
 гениальность бесполоа
     все что есть у нее – это нагруженное криком горло
                                     между ног

***

жінка надрізує вени
     тому що не хоче старіти
 звично кухонним ножом
     як відкриває шпроти
 кволий ангел,
     дебелий доктор і санітар-очкарик –
 сумнівна компанія для цієї брудної роботи
 від їхнього ідеалізму обертом йде голова
 і завертається сонце скупе за кіоск навпроти
 як їй втекти
     як витекти їй у вузький надріз від ножа
 і яким коридором податися потім,
     якщо всі без винятку – проти
 вихор виносить її по спіралі аорти
     просто так – тху...
 доктор підносить їй дзеркальце
     думає – жінка ж, зажде
                     завагається, може
 але – дзуськи, ніколи, бо коли вона йде
     то вона таки йде
 жінка – сам знаєш, істота уперта –
                                     прости її, Боже

***

женщина режет вены
     потому что не хочет старости
 привычно кухонным ножом
     как будто вскрывает шпроти
 квелый ангел,
     дебелый доктор и санитар-очкарик –
 та еще компания для этой грязной работы
 от их идеализма у нее кругом идет голова
 и катится бледное солнце за киоск напротив
 как ей улизнуть
     проскользнуть ей как
     в узкий порез от ножа
 и каким ей потом коридором
                     если все как один будут против
 вихрем выносит ее –
     просто так – «тху...» –
                                     по спирали аорты
 доктор подносит ей зеркальце –
 думает, все-таки женщина,
                     а вдруг передумает, может
 но – дудки, ни за что, никогда,
                     уж если она идет, то идет
 женщина, знаешь ведь сам – упрямое существо,
                     прости ее, Боже...

***

тоненька світлокоса дівчина каже тобі:
                                     почекай,
 поки вщухне дощ
     на старій платівці із заїдженими доріжками,
 що ведуть лиш в одному керунку
 й ніколи – навспак
 і ти чекаєш,
     не гладиш її золотистих врун,

***

худенькая светловолосая девушка говорит тебе:
                                     подожди,
 пока не утихнет дождь
     на старой пластинке с заезженными дорожками,
 что ведут лишь в одну сторону
                     и никогда – назад,
 и ты ждешь,
     не гладишь молодой ржи ее прядей,

***

буває, Господь сотворить когось
 без запобіжного клапана
 дасть йому шкіру таку тонку,
 щоб на вилицях тріскала
 залле йому попід шкіру кров,
 щоб на асфальт крапала
 і пустить його найдовшою у світі доріжкою
 мовляв – іди собі, людику,
 недосконала конструкціє
 нібито все при тобі: і нозі, і руці є
 тільки немає в тобі
 для щему ущелини
 для сльози слезоточини
 для душі віддушини
 і несе в собі чоловік, скільки може винести
 по самі краї заливається оковитою
 але як би душа у п'ятах його не билася,
 а – не передбачено
 ніякого
 запасного виходу
 і живе собі чоловік, аж ходова зноситься,
 аж Господь на техогляді зглянеться –
 не пропустить.
 І під тиском обставин бухає кров носом.
 І лежить чоловік на дорозі
 І – ні пари з уст.

***

бывает, Господь сотворит кого-то
 без предохранительного клапана
 даст ему кожу такую тонкую,
 чтоб сердце просвечивало
 под кожу залет ему кровь,
 чтоб на асфальт капала
 и пустит его самой долгой дорогой на свете
 мол – иди себе, человек
 несовершенной конструкции
 вроде бы все при тебе: и ноги, и руки есть
 только вот нет у тебя
 для щемящей боли ущелья
 для слезы слезостока
 для души отдушины
 и несет свой груз человек, сколько может, едва дыша,
 до краев заправляясь бухлом снова и снова,
 но как бы там в пятках не билась его душа,
 а не предусмотрено
 выхода запасного
 и живет себе человек, аж ходовая износится,
 аж Господь поймет, что коробка передач пуста.
 И под давлением обстоятельств кровь так и хлещет из носа.
 И лежит человек на дороге.
 И – ни облачка на устах.

***

називала рибою, не просила нічого взамін
 тільки знати, що я десь є на оцьому світі
 білому, наче сіль тропічних морів,
 яка в'їдається в шкіру
 і жодною рідиною її не витравиш звідти
 казала, що буде писати, не питала адреси, а втім
 завжди присилала поштівку з якогось незвичного
 міста
 де (на поштівці, тобто) руїни старих стін
 чи страви місцевої кухні
 і кілька слів:
 що скоро повернеться, що вже видно світло
 в кінці тунелю, і що це, безумовно, не поїзд
 називала рибою
 писала, що дуже хоче торкнутись рукою
 я не заперечував я чекав я навчився плавати
 я вивчив напам'ять усі прибережні води

***

называла рыбой, ничего не просила взамен
 только знать, что я есть где-то на этом свете
 белом как будто соль тропических морей,
 что въедается в кожу
 и не вытравит больше кристаллы эти
 говорила, что будет писать,
 не спрашивала адреса, впрочем
 всегда присылала открытку из какого-то странного места
 где (на открытке, то есть) руины старых домов
 или блюда местной кухни
 и несколько слов:
 что скоро вернется, что уже виден свет
 в конце тоннеля, и что это, конечно, не поезд
 называла рыбой
 писала, что очень хочет коснуться рукой
 я и не против я жду плаваю все быстрее
 выучил наизусть все прибрежные воды

я перестав виходити на берег,
що її не прогавити,
а вона – не приходила
я забув, як це – розмовляти, і як це – дихати,
врешті-решт я зробився рибою,
мовчазною і сильною
то якого такого милого
якого такого милого
вона повернулася
і з води мене вийняла?

я перестал выходить на берег,
боясь разминуться с ней,
а она – не приходит
я устал говорить и дыхание – словно растаяло,
молчаливой и сильной рыбой
становился я день ото дня,
так какого же дьявола
какого морского дьявола
она вернулась
и из воды вытащила меня?

Остап СЛИВИНСЬКИЙ

4:25

З думкою про Приможа Чучника

Яка ще сила спиняє мене щоразу на лінії нечітко окресленого узлісся,
серед сонячних місцин і тіней, невидимої грибниці,
що зачинає й народжує, як шуліки, в повітрі?
Яка сила виштовхує супроти мене м'яч,
що ним, певно, грають діти на поки що невидній для мене галявині,
і жене низько над землею повну вітром шапку, що злетіла, певно,
з голови поки що невидного мені чоловіка, задивленого високо
в архітектуру крон?
І тоді, в один з тих небагатьох днів – яка сила
гнала нас через застигле місто, щоб наприкінці ми опинились на березі,
з іще кількома, що так само задержали голову і відбились у серпі світла?
Я теж не знаю, коли доля проступає хоча б у своїх найнепевніших контурах.
Уві сні? Чи під ранок, коли йдеш на дзвінок чи стукіт,
ловлячи знаки, вмикаючи світло? Коли впливає невідома земля,
повна танцю і мови?
Закінчується нічна зміна, щораз швидше починає обертатися двигун;
на сон, як і любов, можна проектувати фільми, можна називати,
трошити, писати люмінесцентною фарбою, можна пропускати крізь них
рентгенівські промені. Можна уявити їх листям лавру.
Є все-таки дещо більш матеріальне – дорога, яку я проходжу швидко, безпам'ятно,
ведений якоюсь плутаною, незв'язною радістю,
неспроможний втрутитись у залізничний розклад, за яким потяг
завжди прибуває сюди о 4.25,
вільний, отже, від звинувачень і виправдань, напівпрозорий, ніби намокле вітрило,
порожній, як тростина,
відкритий, погаслий, невловимий.

Остап СЛИВИНСКИЙ

4:25

Думая о Примозе Чучнике

Что же это за сила всякий раз останавливает меня на линии слабо очерченной опушки,
посреди солнечных пятен и теней, этой невидимой грибницы,
зачинающей и рождающей, словно коршуны, в воздухе?
Что за сила посылает мне навстречу мяч,
которым, наверное, играют дети на пока еще невидимой мне поляне,
и несет у самой земли полную ветра шапку, слетевшую, наверное,
с головы пока что невидимого мне человека, разглядывающего высотную
архитектуру крон?
И тогда, в один из этих немногих дней – что за сила
гнала нас через оцепеневший город, чтобы мы в конце концов оказались на берегу,
с кем-то еще, кто также задрал голову и отразился в серпе света?
Я тоже не знаю, когда судьба начинает проявляться хотя бы в самых общих чертах.

Во сне? Или под утро, когда идешь на звонок или стук,
улавливая знаки, включая свет? Когда выплывает неведомая земля,
полная танца и голоса?
Заканчивается ночная смена, все быстрее вращается двигатель;
на сон, как и на любовь, можно проектировать фильмы, можно давать имена,
взламывать, покрывать люминесцентной краской, можно пропускать сквозь них
рентгеновские лучи. Можно вообразить их листьями лавра.
Есть все-таки нечто более вещественное – дорога, по которой я быстро шагаю,
в беспамятстве, ведомый какой-то путаной, несвязной радостью,
не в силах повлиять на железнодорожное расписание, согласно которому поезд
всегда прибывает сюда в 4.25,
свободный, в итоге, от обвинений и оправданий, полупрозрачный, словно намокший парус,
пустой, как тростник,
открытый, погасший, неуловимый.

***

Америко, ти дала мені небагато
М.С.

– Були дні, коли слова летіли, як вистрелені з найточнішої зброї.
– Нас приймали міста, що росли у ніздрях вулкану,
і навіть померти
було так, ніби вдарила в груди холодна хвиля.
Наші добрі орегонські брати! Я танцюю,
як заведена іграшка, я маю за що вам дякувати.

Америка – о,
вона розставила свої міста так, щоб можна було
читати їх з будь-якої точки, щоб наша дорога
від озера до надгнилого ганку була, ніби злітна
смуга, завжди ними підсвітлена:
кілька найважливіших книгарень; сцена
з мідним мікрофоном; сузір'я «Сяйливий Велосипед».

Не зупиняйся, продовжуй, Змійко,
відчальною м'яко, а далі – як ошалілий катер:
Бог не покине того, хто обрав його рейс.

***

Америка, ты дала мне немного
М. С.

– Бывали дни, когда слова летели, словно из точнейшего орудия.
– Нас принимали города, что вырастали в ноздрях вулкана,
и даже умереть –

это было как удар холодной волны о грудь.
Наши добрые орегонские братья! Я танцую,
как заведенная игрушка, мне есть за что вас благодарить.

Америка – о,
она расставила свои города так, чтобы можно было
прочитать их из любой точки, чтобы наша дорога
от озера до прогнившего крыльца была, словно взлетная
полоса, постоянно ими подсвечена:
несколько ведущих книжных магазинов; сцена
с медным микрофоном; созвездие «Сияющий Велосипед».

Не тормози, продолжай, Змейка,
отчаливай тихо, а потом – как ошалевший катер:
Бог не оставит того, кто выбирает его рейс.

Вірш на кінець осені (2)

Але якщо впадеш, гачок у твоєму мизинці надсилатиме сигнали SOS,
доки невідомо які донори почнуть тобі помпувати кров, підключивши до серця
додатковий output.
Отже, ти ніколи не зможеш бути насправді самотнім, навіть у цю безколірну пору
доби і року, на цій глиняній планеті, набитій зсередини прілим листям.
Так і так, лежав, знайшли його дві пекарки, що везли зранку
хліб на геологорозвідувальну станцію, було багато птахів.
Все ще можна врятувати, якщо сон не урветься.
Відкривати чи не відкривати посилку, на якій написано лише: “To Jukebox”?
Чи захочуть душі прийти по нас, якщо ми й далі сидітимемо без руху, мовчазні,
не позначені навіть на інфрачервоних мапах?
По саду можна їздити на велосипеді, обминаючи яблука, що звисають низько –
як тіла, оборонені кожне власним запахом.
Змінити тіло – як перелетіти на іншу гілку, у леті підчепити себе на власний гачок,
піймати у власний сак.

Стихотворение на конец осени (2)

Но если упадешь, крючок в твоём мизинце будет сигналить: «SOS»,
пока непонятно какие доноры начнут закачивать тебе кровь, подключив к сердцу
дополнительный output.
Значит, ты никогда не сможешь быть по-настоящему одиноким, даже в это бесцветное время
суток и года, на этой глиняной планете, набитой изнутри прелыми листьями.
Так, мол, и так, лежал, нашли его две булочки, что везли поутру
хлеб на геологоразведочную станцию, кругом были птицы.
Все еще можно спасти, если сон не прервется.
Открывать или не открывать посылку, на которой только и написано: «To Jukebox»?
Захотят ли призраки прийти за нами, если мы и дальше будем сидеть неподвижно, молча,
не обозначенные даже на инфракрасных картах?

В саду можно ездить на велосипеде, объезжая низко свисающие яблоки – словно тела, защищенные каждое своим запахом.

Сменить тело – это как перепорхнуть на другую ветку, в полете подцепить себя на собственный крючок, поймать себя своим же сачком.

Limbo

Пагорби поночі були ніби розкидана постіль,
В якій закублились птахи. Пам'ятаєш:
Можна довіряти лише випадковим знахідкам,
Я знайшов рештки чийогось пальта,
Що зачепилися за весло. Купища одягу
Нагадують лише секонд-генди й
Концтабори, а тут? Велике прання, яке
Нам влаштовує цілонічний туман?
Ніби готель відкрили над гладдю озера –
Запалені нічники просвітлюють воду наскрізь,
Пожежна драбина веде у донні піски.
Можна заночувати в повітрі, аби земля
Не напірала у сни разом зі своїм перетлілим
Цвинтарем! З цілим жмутом ображених
Пальт, понівечених черевиків і шапок!
Треба вважати, щоб не одягти мертву сорочку,
Наприклад. – А досить не зачинити вікно
Перед нетлею, що переносить вірус іншого світла.
Дія одного зі снів відбувалася в гардеробі,
Яким починається протилежний світ.

Limbo

Ночные холмы были похожи на разобранную постель,
В которой гнездятся птицы. Помнишь:
Можно доверять лишь случайным находкам,
Я обнаружил останки чужого пальто,
Зацепившиеся за весло. Горы одежды
Напоминают разве что секонд-хенды и
Концлагеря, а тут? Большая стирка, что
Нам устраивает всенощный туман?
Словно отель открыли над гладью озера –
Зажженные ночники просвечивают воду насквозь,
Пожарная лестница ведет на песчаное дно.
Можно заночевать в воздухе, чтобы земля
Не лезла в пространство сна вместе со своим истлевшим
Кладбищем! С целой кодлой оскорбленных
Пальто, изувеченных ботинок и шапок!
Берегись, а то наденешь мертвую рубашку,
К примеру. – Достаточно не захлопнуть окно

Перед ночной бабочкой, переносщей вирус чужого светильника.
Действие одного из снов происходит в гардеробе,
С которого начинается иной мир.

До чиїх воріт ми гнали м'яч у п'їтьмі

До чиїх воріт ми гнали м'яч у п'їтьмі,
коли вже неможливо було відрізнити вершечки крон
від далеких хребтів?
Зоран каже повертати, далі монотонна ріка. Бобри
і їхні темні скарби, більше нічого, залишки старих
річкових купалень. Запалені простирадла розлякують
тіней, коли ми, змучені, думаємо лише про постіль і паливо.
Сонячні сплетіння освітлювали ближні кімнати лісу, зачинений,
задовбаний санаторій, страх, усі знаки, які ми вмїли прочитати,
ми помічали музику й хотїли танцювати. Якїсь
розкидані бляшані інструменти грали на наших очах.
“Тепер ніхто тут зі мною не розмовляє. Тут кажуть про халїфат”.
Є розбита цегельня, над якою горить секстант і бїжать
сяйливі хорти. Зоран і Зорана у пряниковому будиночку, а далі
застави вод, хтось ночував на покинутому блок-пості, хтось бачив
дітей. Нещасливий меридіан, якщо всьому повірити.
Запалити секстант, прикликати ангелів, постелити їм у старій цегельні,
я кажу це Зоранові. Народ орлів, яким
греки кажуть брати в рот на своєму кордоні: я чую, як
важко у скронях перекидається кров. “Dirty boots” і використані коні,
діти, яких народили на колесах, і спеціально запрошені музиканти,
мішки, в яких за одну ніч борошно перетворюється на пісок,
і вино, якому нема дороги назад, усе придумане синім оком, що
блимає у правому горїшньому куті? Радіоперешкоди говорять із
нами мовою духів? Ненависть, що не дає заснути і жене серед ночі
на кам'янисті горби, і каже палити у витріщене небо. У яке віконечко
скаржитися на страх?
Шматки мідних трубок дзвонять у гіллі вже цілком голого дерева.
Осінь приходить сюди, як конверт із віхтем трави, що запалюється сам і горить,
і не гасне, і танцює в п'їтьмі, як вогняна легеня, і грає з п'їтьмою
в якусь незрозумїлу гру.

К чьим воротам мы гнали мяч в сумерках

К чьим воротам мы гнали мяч в сумерках,
когда уже невозможно было отличить верхушки крон
от далеких хребтов?
Зоран зовет назад, мол, там одна бесконечная река. Бобры
и их мрачные сокровища, больше ничего, остатки старых
речных купален. Горячие простыни отпугивают

призраков, пока мы, уставшие, думаем только о постели и тепле.
 Солнечные сплетения освещали ближайшие лесные покои, закрытый,
 обдолбанный санаторий, страх, все знаки, которые мы сумели прочесть,
 мы различали музыку и хотели танцевать. Какие-то
 разбросанные жестяные инструменты играли у нас на глазах.
 «Теперь никто здесь со мной не разговаривает. Здесь говорят о халифате».
 Вот разбитый кирпичный завод, над которым горит секстант и проносятся
 сияющие борзые. Зоран и Зорана в пряничном домике, а дальше
 заставы вод, кто-то ночевал на покинутом блок-посту, кто-то видел
 детей. Несчастливый меридиан, если верить всему.
 Зажечь секстант, позвать ангелов, постелить им у старого кирпичного завода,
 я говорю это Зорану. Народ орлов, которому
 греки приказывают брать в рот на своем погранпереходе: я слышу, как
 тяжело в висках опрокидывается кровь. «Dirty boots» и выдохшиеся кони,
 дети, родившиеся в пути, и специально приглашенные музыканты,
 мешки, в которых за одну ночь мука превращается в песок,
 и вино, у которого нет дороги назад, все придумано синим глазом, что
 подмигивает из правого верхнего угла? Радиопомехи говорят с
 нами на языке духов? Ненависть, которая не дает заснуть, гонит среди ночи
 к каменистым горбам, и приказывает стрелять в вытаравившееся небо. В какое окошко
 жаловаться на страх?
 Обломки медных труб дребезжат в ветвях уже совсем голого дерева.
 Осень приходит сюда, конвертом с пучком травы, который воспламеняется и горит,
 и не гаснет, и танцует во тьме, как огненное легкое, и играет с темнотой
 в какую-то непонятную игру.

[Wenn] Das ganze Land schläft

Вимкнули электрику в цілому кварталі, і я зійшов надвір, де було світліше
 Витав якийсь глум у повітрі, колійний гучномовець, зазвичай німий, передавав сміх

Голодні духи і птахи, що завжди жили в деревах навпроти зарослого озера
 Все вібривало, раптово наелектризоване, все передавало світла, спілкувалось дзижчанням

“Як звідси вийти, коли не знаєш на запах свою любов? Лабіринт, у якому все грає:
 Як вийти звідси, коли не знаєш на запах свою любов?”

Як звідси вийти, коли не знаєш на запах свою любов? Лабіринт, у якому все грає:
 Як вийти звідси, коли не знаєш на запах свою любов?”

[Wenn] Das ganze Land schläft

Вырубили электричество в целом квартале, и я вышел на улицу, где было посветлее
 В воздухе витала ирония, путевой громкоговоритель, обычно немой, передавал смех

Голодные духи и птицы, что всегда жили в деревьях напротив заросшего озера
 Все вибрировало, вдруг наелектризованное, распространяло свет, жужжало между собой,

«Как отсюда выйти, если не знаешь запах своей любви? Лабиринт, в котором звучит:
Как выйти отсюда, если не знаешь запах своей любви?»

Как отсюда выйти, если не знаешь запах своей любви? Лабиринт, в котором звучит:
Как выйти отсюда, если не знаешь запах своей любви?»

***

А те, що було далі –

я розповів їй, як був хрещений. Не знаю, чогось зайшла мова.
Я бачив фото домашнього вівтаря, стіл, де ми багато років
обідали – і тут: свічки й невелика ікона, квіти і якась інша
зелень, схожа на пучки петрушки. Мене тримають на колінах,
сидяче немовля, не знаю, чи я вже охрещений на крайньому фото.

Скільки насправді може вмістити у собі вірш? Більше, ніж
встигаєш підглядіти з освітленого містка, поки внизу пропливає
чужа важка баржа? Більше, ніж встигаєш наговорити
в позичений телефон, у передмісті міста, повного понурих
гірників? Більше, ніж сто шістдесят знаків?

Вірш протікає,
ніби погано закоркована пляшка, нічого, нічого.

***

А дальше что –

я рассказал ей, как меня крестили. Не знаю, что-то зашел разговор.
Я видел фото домашнего алтаря, стол, где мы много лет
обедали – и тут: свечи и небольшая икона, цветы и еще какая-то
зелень, похожая на пучки петрушки. Меня держат на коленях,
сидящий младенец, не знаю, крещеный ли я на последнем фото.

Сколько на самом деле может поместиться в стихотворении? Больше, чем
успеваешь увидеть с освещенного моста, пока внизу проплывает
чужая тяжелая баржа? Больше, чем успеваешь наговорить
в одолженный телефон в городском предместье, полным понурых
горняков? Больше, чем сто шестьдесят знаков?

Стихотворение протекает,
словно плохо закупоренная бутылка, ну и ничего, ничего.

Сфера

Чогось із носа йшла кров, ніби серце знову шукало із тебе вихід.
Я спочатку нічого не розумів, гадав, ти плачеш,
Намагався спинити таксі, глузували ринви, мені аплодуючи,
Гасли квадрати кав'ярень, дорожні знаки вказували один на одного:
Дзвіночки і риби, золоті космонавти, склянка води з накришеним стеарином,
Збаламучена різдвяна іграшка. І ти – всередині різдвяної іграшки,
Яка виконує свою механічну радість. Піанола Марлен
Сама зіграє елегію хороброго снігу, сама приструнить погоду і візьме тебе на гачок.

Моя сфера, повна диму й вогнів, різної випадкової музики!
Серце й легені вібрують, як прикордонні мости, з ночі ще теплі і мокрі:
Бранці власного руху, опудала хмар, солом'яні бики.

Сфера

Почему-то носом шла кровь, словно сердце снова искало выход.
Я сначала ничего не понимал, думал, ты плачешь,
Пытался остановить такси, надо мной, аплодируя, смеялись водосточные трубы,
Гасли квадраты кофеен, дорожные знаки указывали друг на друга:
Колокольчики и рыбы, золотые космонавты, стакан воды с раскрошенным стеарином,
Взбаламученная рождественская игрушка. И ты – внутри этой игрушки,
Что издает свою механическую радость. Пианола Марлен
Сама сыграет элегию храброго снега, сама приструнит погоду и возьмет тебя на крючок.

Моя сфера, полная дыма и огня, всякой случайной музыки!
Сердце и легкие вибрируют, как приграничные мосты, еще теплые и мокрые на рассвете:
Узники собственного движения, чучела туч, соломенные быки.

Небо над Берліном

До мене стукає серце, ніби я ще нічого не знаю.

Був короткий дзвінок, а потім години чекання на пристані,
біля приватних катерів, там, де закінчувалося Ванзее
і починалося щось інше – протока? У якій вода пахла зеленим чаєм,
підсвітлена зсередини цілим міністерством субмарин.
І я ходив по набережній, двоє росіян закидали вудки, хоча
що вони хотіли впіймати о такій порі? Голоси, шпигунські мушлі, які
задокументували 1942-й, 44-й, переговори неба й води на коротких хвилях?
Тоді ще не повірив би, що не дочекаюся.

Нема суті справи. Витекла, як розбите око.
У мене лише одне бажання, та й те навряд чи здійсненне:
хай смерть, ніби прикордонна вежа, надсилає принаймні три попередження.

Небо над Берлином

Сердце стучится ко мне, будто я еще ничего не знаю.

Был короткий звонок, а потом – долгое ожидание на пристани,
возле частных катеров, там, где кончалось Ванзее
и начиналось что-то другое – пролив? В котором вода пахла зеленым чаем,
подсвеченная изнутри целым министерством субмарин.
И я ходил по набережной, двое русских забрасывали удочки, хотя
что они надеялись поймать в такое время? Голоса, шпионские раковины,
зафиксировавшие 1942-й, 44-й, переговоры неба и воды на коротких волнах?
Тогда еще я не верил, что не дождусь.

Суть дела отсутствует. Вытекла, как выбитый глаз.

У меня лишь одно желание, да и то вряд ли осуществимое:

пусть смерть, на манер пограничной вышки, предупреждает, как минимум, трижды.

Папа

Я вийшов за двері,

стояла вистава «Спуск на воду корабля Ізиди», і
тягло так, ніби я одягнув завелику сорочку,
перехрещувалися вітри, і ставалася музика перехрестя,
схожа на зірку Голіафа – розкручене вірними чортове колесо –
сміх, задимлена папська пасторалька:
«я витертий, як криси капелюха! я чистий, як осяйна лисина!»

Знаю, що папа спіткнувся б, якби я раптом замислився.

А так: я ніби пляшка з вибитим дном, на якій грає Його ангел.

Папа

Я вышел за дверь,

шло представление «Спуск на воду корабля Изиды», и
дуло так, словно я надел рубашку на пару размеров больше,
перекрещивались воздушные потоки, и звучала музыка перекрестка,
похожая на звезду Голиафа – раскрученное паствой чертово колесо –
смех, дымящаяся папская пасторалька:
«я засален, как поля шляпы! я чист, как лучезарная лысина!»

Знаю, что папа споткнулся бы, если б я вдруг задумался.

А так: я словно бутылка с отбитым дном, на которой играет Его ангел.

Андрэй ХАДАНОВІЧ

Андрей ХАДАНОВИЧ

1. Сто пудоў адзіноты

1. Сто пудов одиночества

сто пудоў адзіноты

I just called to say I love you
Stevie Wonder

сто пудоў адзіноты больш чым пацягне ліфт
за акном то зліва то пролівень то залава
ходзяць думкі налева і ўлева схіляюць шрыфт
і пішу пачынаючы з рыфмаў справа налева

сёння дзень і ноч пагадзіліся на нічыю
і ніякай нябеснай манны максимум манка
а назаўтра вечар з раніцы зуб даю
гэта восень будзе вільготнай як німфаманка

гэта восень будзе вільготнаю сто пудоў
нібы горла не прасыхацьме да небакраю
але будзь я нават нэграм пахілых гадоў
я вазьму тэлефон і скажу што цябе кахаю

сто пудов одиночества

I just called to say I love you
Stevie Wonder

сто пудов одиночества не поместятся в лифт
за окном то дождь то ливень то вовсе уже макондо
ходят мысли налево и влево склоняют шрифт
и начинаю с рифмы все остальное для понта

день нынче равен ночи типа игра вничью
манны небесной нет ну разве что манка
утром наступит вечер осень – я зуб даю –
будет сочиться влагой как нимфоманка

мокрая будет осень мокрая сто пудов
и не просохнет как горло и к февралю
но будь я даже негром преклонных годов
я возьму телефон и скажу что тебя люблю

***

ты ведаеш хто такія боб дылан і дылан томас
я ведаю толькі тое што я твой верны фанат
што я – калі я з табою – бываю ручны як тормаз
а ты са мною – самай ручною з усіх на сьвеце гранат

што я з табою маленькі і голы нырэц з абтоку шры-ланка
калі ты здымаеш нумар і майткі хоць я далёка ня бог
маланка тваёй сукенкі нібы шаравая маланка
б'е электрычным токам па пальцах і па зубах

што мы збіраемся пазлам бываем плазмай і плазам
што я кладуся а ты сядзіш на мне нібы наркаман
і чуючы твае словы: чакай давай кончым разам
хто скажа што мы дачытваем адзін на дваіх раман

***

ты знаеш хто такія боб дилан и дилан томас
я знаю только то что я твой верный фанат
что я – когда я с тобою – бываю ручной как тормоз
а ты со мною – самой ручной из всех на свете гранат

что я с тобою маленький голый ныряльщик цейлонского рая
когда ты снимаешь номер и трусики слово – ненужный спам
молния твоего платья бьется как шаровая
электрическим током по пальцам и по зубам

что мы собираемся в пазл и пульс – далеко за двести
что я ложусь а ты сидишь на мне как наркоман
и слыша твои слова: подожди давай кончим вместе
кто скажет что мы дочитываем один на двоих роман

Маленькі жабрак

Я ведаю, няма тваёй віны
ў тым, што кагось прыручыш алькаголем.
Учора ўночы мне прысьніўся Голем,
пітушчы прывід праскае вясны.

Кітайскім матылём тлумачым сны,
а раз на месяц распачна скуголім
на месяц – голым каралём дэ Голем
з кінэматаграфічнай прасьціны.

Раскоша чалавечага сумоўя,
цяпельца выпадковага зімоўя...
Тапелец, што прачнуўся ў немавед

якім паветры без вады і сябры,
спрабуе надзімаць пялёсткі-жабры,
самотнай ружай кінуты ў сусьвет.

Маленький нищий

Я знаю, никакой твоей вины,
кого б ни приручил ты алкоголем.
Сегодня ночью снился пьяный Голем,
привет из пражской... как ее?... весны.

Китайским мотылькам толкуем сны.
Повоем на луну, тылы оголим,
и скачем голым королем де Голлем
кинематографической страны.

Тепло щеки и костерок усталый
в сугробе утонувшего привала.
Утопленник проснулся в темноте.

Он чувствует, что воздух обезвожен,
и жабры-лепестки дрожат тревожно
в разбавленной планетами воде.

Пайсьці і не вярнуцца

Наступны прыпынак –
Блышыны рынак.

І ты лавіруеш паміж
прыпаркаванымі роварамі,
баючыся зачапіць,
каб не спрацавала сыгналізацыя,

покуль мэлёдыя ў навушніках
зьмешваецца з навакольнымі гукамі
ў вялікім і маленькім
крывабегу тваёй музыкі,
а твой унутраны экскурсавод
абвяшчае:

Пойти и не вернуться

Следующая остановка –
Блошинный рынок.

И ты лавируешь между
припаркованными велосипедами,
боясь задеть,
чтоб не сработала сигнализация,

покуда мелодия в наушниках
смешивается с посторонними звуками
в большом и малом кругах
кровообращения твоей музыки,
а твой внутренний гид
объявляет:

наступны прыпынак –
Блышыны рынак.

І мясцовы ляўша
паказвае табе ўмоўны знак:
ці то “перамога”,
ці то “хутчэй гані два эўра
за ўсё, чаго табе не хапала
для поўнага кайфу”:

- трохструнная гітара;
- дзіцячыя гальштукі;
- электраштопары;
- памперсы з рукавамі;
- граблі з масажнымі насадкамі;
- канькі для блізарукіх;
- супрацьтанкавыя галёшы;
- сьветлафоры для дому;
- напольны тостэр зь зязюляй;
- швайцарскі гадзіннік з выкідным лязом;
- друкавальная машынка “Зынгер”,
пяць пар нагавіцаў пад капірку;
- пляшка патэфоннай гарэлкі,
78 абаротаў за хвіліну;
- парнаграфічныя карты
сакрэтных аэрадромаў...

І ты ўжо блізкі да стану,
калі трамваі спыняюцца
проста ля дзвярэй тваёй сьвядомасьці
і вязуць на другі паверх.

Кола замкнулася.
Выйсьця няма.
Наступны прыпынак –
Блышыны рынак.

следуючая астановка –
Блошиный рынак.

И местный левша
делает тебе условный знак:
то ли «победа»,
то ли «быстро гони два евро
за все, чего тебе не хватало
для полного кайфа»:

- трехструнная гитара;
- детские галстуки;
- электроштопоры;
- памперсы с рукавами;
- грабли с массажными насадками;
- коньки для близоруких;
- противотанковые галоши;
- светофоры для дома;
- настенный тостер с кукушкой;
- швейцарские часы с выкидным лезвием;
- печатная машинка «Зингер»,
пять пар штанов под копирку;
- бутылка патефонной водки,
78 оборотов в минуту;
- порнографические карты
секретных аэродромов...

И ты уже почти приехал,
трамваи останавливаются
прямо у дверей твоего сознания
и везут на другой этаж.

Круг замкнулся.
Выхода нет.
Следующая астановка –
Блошиный рынак.

доўгая дарога да гаршка

а здорава было б узяць і напісаць сямейную сагу
пра бацькоў і дзяцей і назваць яе “доўгая дарога да гаршка”
тамоў так на сто пяцьдзясят прывітаньне бальзаку
калі ў друкарцы і ў аўтара хопіць на ўсё парашка

капітальна прадумаць розныя сюжэтныя адгалінаваньні
каб плынь сьвядомасьці бараніла віры свае
каб каханкі ў ложку шкілеты ў шафе тапельцы ў ваньне
і духоўнасьць духоўнасьць духоўнасьць а як безь яе

вось скажам філфак унівэру да самай спартзалі набіты німфэткамі
з гарадзкою прапіскай current music: на мурамскай дарожцы стаялі тры
ён знаёміцца і адразу ж пачынае яе параўноўваць з рознымі кветкамі
бо ён тут адзіны зь вёскі яму сямнаццаць столькі ж александры...

ён з маленства аматар броўкі яна мае пірсінг на броўцы
кажа што кветкі выклікаюць у яе іншы асацыятыўны шэраг
яны нешта п'юць ён прачынаецца зранку на ейнай сяброўцы
яна дарыць яму пацалунак ён згадвае аб людажэрах

яна кажа што ейныя бацька і брат толькі што селі
за групавое забойства яе папярэдняга жаніха
і пакуль яны там трэба хутка згуляць вясельле
як гэта ледзьве знаёмыя? а каму я тады да раніцы ладзіла вдх?

трыццаць дзеве незамужнія аднакурсніцы вялі іх замест канвою
адзінаццаць абкураных дваццаць адна бухая
і толькі пад праваслаўнай былой уніяцкай царквою
ён зразумеў што напраўду кахае

гасьцей панаехала цэлы аўтобус як на экскурсію
апошні раз ён так хваляваўся калі вучыўся браць акорды з барэ
празь дзевяць месяцаў яна мела найпрыгажэйшы живот на курсе
хлопчыку ў гонар здадзенага іспыту далі імя анарэ

ад крыкаў маленькага генія зранку расколвалася башка
але гэта палова бяды бо нягоднік паставіў мэтаю
з паўгадзінкі паседзеўшы марна пасыла пакакаць міма гаршка
разоў гэтак сто пяцьдзясят каб бацькі чалавечую мелі камэдыю

і вось зь яго вырас батан-выкладчык пад гучны гоман
ён сочыць як у студэнтак сыходзіць румянец са шчок
покуль ён валіць ім мантру: рамантычны энтузіязм іронія гофман
і залаты гаршчок

залаты гаршчок

залаты гаршчок

долгая дорога до горшка

а здорово было б взять да написать семейную сагу
про отцов и детей и назвать ее «долгая дорога до горшка»
томов так на сто пятьдесят привет бальзаку
если в принтере и у автора хватит порошка

капитально продумать сюжет навороченный и пространный
чтобы поток сознания – до середины днепра
чтобы любовник в постели скелет в шкафу утопленник в ванной
а на антресолях чемоданы истины красоты и добра

вот скажем филфак универа по самый спортзал набитый девицами
 феньками и браслетами current music: all you need is love
 он знакомится распространяется о цветах и траве тем более нет милиции
 и помогает ей сдать латынь физру и старослав

он с детства любитель битлз она даже с курса сбилась
 и говорит мол что делает в волосах твоих этот цветок
 но когда поцелуй она дарит ему как людоедскую милость
 он вспоминает сразу как хендрикс на тряпки порвал вудсток

она говорит что ее отец и брат нары на зоне греют
 за групповое убийство ее предыдущего жениха
 и пока они там мы должны пожениться скорее
 как почти не знакомы? а кому же я до утра устраивала вднх?

тридцать две незамужние однокурсницы вели их словно под стражей
 одиннадцать обкуренных двадцать одна бухая
 и только в церкви где раньше размещался склад с брюквой и спаржей
 он понял что любит ее – любовь она вот такая

гостей понаехало целый автобус как на экскурсию
 последний раз он так парился когда учился брать аккорды с баре
 через девять месяцев у нее был самый красивый живот на курсе
 мальчику в честь сданной сессии дали имя оноре

от криков маленького гения с утра раскалывалась башка
 но это полбеда ведь он оказался негодник редкий
 посидит полчаса просто так а потом накакает мимо горшка
 раз этак сто пятьдесят вот вам человеческая комедия предки

а теперь из него вырос ботан-препод под ропот и гомон
 он следит как у студенток начинается интеллектуальный шок
 пока он валит им мантру: романтический энтузиазм ирония гофман
 и золотой горшок

золотой горшок

золотой горшок

на дарозе

па пояс у джынсах брыдзеш супраць плыні шашы
 твае непужаныя думкі як іншаходцы ў прэрыі
 і стэрэа-скавышы як госьці на сьвяце душы
 новаю аранжыроўкай гудуць у плэеры

аблокі ўгары няспынныя як аўто
 між пятым і трыццаць пятым агораным кілямэтрам
 ня спыніш нікога й цябе ня спыніць ніхто
 і першы сустрэчны акажацца проста ветрам

на дороге

по пояс в джинсах бредешь против течения трассы
 твои мысли непуганные как иноходцы в прерии
 и стерео-сквозняки как воздушные асы
 новой аранжировкой гудят в плеере

облака над тобой без тормозов как авто
 между пятым и тридцать пятым усиленным километром
 никого не окликнешь и тебя не окликнет никто
 и первый встречный окажется просто ветром

будуеш замкі з паветра і першы блін
 выходзіць нечым сярэднім між бібліятэкай і вежай
 на гэтым сьвеце так многа кніг і цаглін
 а ты з усіх акадэміяў ня скончыў нават мядзьведжай

і можна згубіцца ў трох дарожных слупох
 і ў думках так ціха – чуваць як робіцца муха
 сланом і ты так доўга ў дарозе што Бог
 здаецца сузор’ем Вялікага Віні-Пуха

строишь воздушные замки масон-книгочей
 вавилонскую башню с библиотекой пизанской
 на этом свете так много книжек и кирпичей
 а ты из всех факультетов не закончил даже цыганский

в трех дорожных столбах ты потеряться мог
 и в мыслях так тихо – слышно как превращается муха
 в слона и ты так долго в дороге что Бог
 кажется созвездием Великого Винни-Пуха

Баляда пра трыццаць восьмы тралейбус

Трыццаць восьмы тралейбус запальвае свае бартавыя агні:
 няма чаго болей рабіць на прыпынку – лепей на вышыні.

Палёты ўзімку? Ніколі. Ясна і крумкачу.
 Але ў кіроўцы тралейбуса калядныя зоры ўваччу.

Надвор’е шэпча – нялётнае, і праўды няма ў крыле,
 і светлафор заікаецца на чырвоным сьвятле.

“Чырвоная Маска Сьмерці”, – сказаў бы тут Эдгар По.
 Але трыццаць восьмы тралейбус ня пойдзе сёння ў дэпо.

У сьведкаў пад шапкай зімовай дыба ўстаюць валасы,
 калі трыццаць восьмы ад ледзяной адрываецца паласы.

Як ад вальсу, галовы кружацца ў пасажыраў і іхных дам.
 “Тралейбус ляціць у неба. Наступны прыпынак – там...

Не забывайце аплачваць, – чуецца, як пароль, –
 на паветранай лініі сёння працуе кантроль...

Забараняецца размаўляць з кіроўцам увышыні...
 Пераканаўчая просьба мацней падцягнуць рамяні...

Не кампастуйце талёнаў, маючы праязны...
 Саступайце анёлам сталага веку, інакш саступяць яны...

Бізнэс-кляса для пасажыраў зь дзецьмі ды інвалі...”
 Болей абвэстак зь неба не чуваць на зямлі...

Тралейбус ляціць уверсе, унізе плыве яго цень.
 Нябесны дыспэтчар стаміўся лічыць:
 трыццаць восьмы тралейбус за дзень!

Баллада о тридцать восьмом троллейбусе

Тридцать восьмой троллейбус зажигает свои бортовые огни:
нечего делать на остановке – что мы стоим, как пни?

Полеты зимой? Никогда. Ясно и ворону.
Но у водителя звезды в глазах светят уже во все стороны.

Погода шепчет – нелетная, правды и в крыльях нет,
и светофор заикается, включая свой красный свет.

«Красная Маска Смерти», – сказал бы тут Эдгар По.
Но тридцать восьмой троллейбус не пойдет сегодня в депо.

У зевак под зимними шапками волосы дыбом встают,
когда тридцать восьмой покидает наш ледяной приют.

Как от вальса, головы кружатся у пассажиров и их дам.
«Троллейбус летит на небо. Следующая остановка – там...

Не забывайте оплачивать, – слышится, как пароль, –
на воздушной линии сегодня работает контроль...

Не отвлекайте водителя, набирающего высоту.
Убедительно просим держать леденец во рту.

Не компостируйте талоны, если есть проездной билет.
Уступайте ангелам пожилого возраста – правды и в крыльях нет.

Бизнес-класс для пассажиров с детьми и инвали...»
Больше объявлений с неба не доносится до земли...

Троллейбус летит вверх, внизу летит его тень.
Небесный диспетчер сбился со счета:
тридцать восьмой троллейбус за день!

Плакалі, знаем!

Хлопчык трох гадоў
кročыць побач з маці,
а потым як зваліцца,
як трахнецца аб асфальт!
Каленка разьбітая ў кроў,
але ня плача,
трохгадовыя мужчыны ня плачуць,
падымаецца, атрасаецца
і незалежным тонам прамаўляе:
“Ледзь ня ўпаў!”

Плакали, знаем!

Мальчик трех лет
шагает рядом с мамой,
а потом как свалится,
как трахнется об асфальт!
Коленка разбита в кровь,
но не плачет,
трехлетние мужчины не плачут,
подымается, отряхивается
и с независимым видом говорит:
«Чуть не упал!»

Хлопчык чатырох гадоў
ляжыць на апэрацыйным сталe
і вось-вось заплача,
бо які ён ужо мужчына,
калі дэця доктар корпаецца
чымсьці жалезным яму ў пісі,
дзякуй, хоць бацькоў не пусьцілі.
Хлопчык пяці гадоў
дачакаўся смачнай перадачы
у свой загарадны тубэркулёзны санаторый,
і на радасьцях зьёў яе ўсю,
вось толькі памыліўся шафаю,
а потым дзяўчынка нешта шукала ў ёй,
нічога не знайшла й заплакала,
і хлопчык зь ёй за кампанію,
бо хрэн зь імі, з апэльсінамі,
у санаторыі карантын
і бацькоў зноў не пусьцілі,
вунь яны там, за акном,
машуць яму рукамі,
покуль ён жарэ чужую перадачу...

Бацька трохмесячнай дачкі
па дарозе ў лязэрную клініку
падслухоўвае размову.

Хлопчык трох гадоў
крочыць побач з маці.
«Мама, а ведаеш, ты таксама памрэш!»
«Што ты такое вярзеш?!
Ты што, хочаш, каб твая мама памерла?»
«Не, я не хачу. Я проста нагадваю».

Госпадзе,
хай доктарка зь лязэрнай лінзаю не памыліцца,
беражы ў дарозе ўсіх Тваіх разьдзяўбаеў,
усіх сьляпых
і тых, каму сёньня закапалі вочы.

***

Малая, я выйшаў з дому пасля вечаровых навінаў
якраз пачынаўся трэці пэрыяд хакейнага матчу:
канадцы па поўнай праграме пярдолілі фінаў,
ці, можа, фіны канадцаў – тыя таксама мача.

А два з паловай гады таму ты плыла ў велікодных званых,
мазала шчасьце на хлеб і мне прапаноўвала лусту...

Мальчык чатырох лет
лежит на операционном столе
и вот-вот заплачет,
потому что какой он уже мужчина,
когда тетя доктор копается
чем-то железным у него в писе,
спасибо, хоть родителей не пустили.

Мальчик пяти лет
дождался сладкой передачи
в своем загородном туберкулезном санатории,
и на радостях съел ее всю,
вот только ошибся шкафчиком,
и потом девочка что-то искала в нем,
ничего не нашла и заплакала,
и мальчик с ней за компанию,
потому что хрен с ними, с апельсинами,
в санатории карантин
и родителей снова не пустили,
вон они там, за окном,
машут ему руками,
пока он жрет чужую передачу...

Отец трехмесячной дочки
по дороге в лазерную клинику
подслушивает разговор.

Мальчик трех лет
шагает рядом с мамой.
«Мама, а знаешь, ты тоже умрешь!»
«Что ты несешь?!
Ты что, хочешь, чтоб твоя мама умерла?»
«Не, я не хочу. Я просто напоминаю».

Господи,
пусть врачаха с лазерной линзой не ошибется.
Береги в дороге всех Твоих раздолбаев,
всех слепых
и тех, кому сегодня закапали глаза.

Пасьля пайшла ад мяне да першага лепшага нах-
імаўца і, як відаць па мэйлах, цалкам зьехала з глузду.

Хтосьці казаў, што ты ў інтэрнэт ходзіш, як на хаўтуры,
пасля сябе пакідаючы мёртвыя жывыя дзённікі...
І пальцы бяруць дзьве актавы кірыліцы-клявіятуры,
і дрэнныя рыфмы б'юцца аб шкло манітора, як матылькі-аднадзёнкі.

Яшчэ сем дзён, нібы сем самураяў, у баявой апранасе
ідуць паўзь мяне ў беспрабуднай цішы, на восьмы ж
я разумею: дзеля таго каб забыць адну вар'ятку, прынамсі
патрэбна другая вар'ятка, а дзе такіх яшчэ возьмеш?

І што там на юзэрпіку за голяыя ногі? Ня сьцяміце.
І што там за прыгажуня сьмяецца ў начным трамваі
табе напаўабарота? Бо час сутыкаецца з памяцьцю,
час сутыкаецца з памяцьцю – і забівае.

***

Детка, я вышел из дому, затемно пообедав,
как раз начинался третий период хоккейного матча:
канадцы по полной программе пердолили шведов,
а, может, и шведы канадцев – те тоже мачо.

А два с лишним года назад, забыв о других пацанах,
ты в койке меня обучала греко-римской и вольной
борьбе в поддавки, а потом свалила к первому встречному нах-
имовцу и, судя по мэйлам, шизанулась по полной.

Теперь ты тусишь в он-лайне, поешь частушки не к месту
на интернет-поминках в мертвом живом журнале,
и я даже рад, что расстояние между
нами больше, чем между периодами в финале.

Семь дней, как семь самураев, топчутся, как по минам,
по мозгам, и лишь на восьмой начинаю я понимать –
для того, чтоб забыть одну дуру, человеку нужна как минимум
еще одна дура, а где же такую взять?

И что там за голые ноги растут и учатся спамить?
Какой юзер-пиковой дамы улыбка в ночном трамвае?
А все потому, что время терактом идет на память,
терактом идет – и тикает, убивая.

Сьвята паэзіі

(Па матывах Андрэя Радзіёнава)

Вечарына паэзіі, на жаль, пераносіцца –
аўтар учора палучыў у пераносіцу.

Аўтар хацеў быць ня горшым за Ясеніна,
і вось вечарына паэзіі адменена.

Аўтар чытаў свае вершы прастытуткам.
На трэцім радку яго назвалі ублюджкам.

Маўчаньне – золата, слова – срэбра.
Аўтар адказаў. Яму далі па рэбрах.

Аўтар хадзіў у выкшталцонных лірыках,
пакуль пагодным вечарам ня трапілі па нырках.

Аматар Бадлера, перакладчык Паўнда
не пратрымаўся да канца першага раўнду.

На чужыя мазгі не шкадуючы пудры,
ён нешта пра каханьне выдрочваў на кампутары,

трымаўся за мышку на зайздрасьць мікі-маўсу,
але ў канктрэтнай бойцы трох хвілін не пратрымаўся.

Аўтару заехалі шыкоўнаю буцай.
Вечарыны паэзіі, на жаль, не адбудзецца.

Упаў на зямлю, як пад сярпом тваім калосьсе.
Вечарыны не адбудзецца. Сьвята адбылося.

***

Дзьве лыжкі солі на шклянку цёплага мора,
якое цячэ з валасоў і на твары ня стыне.
Ляціш празь мяжу на сустрэчу са сьветлым *tomorrow*
і ўпадзеш у мора ў раёне Гданьска і Гдыні.

Вільготны вецер зранку мазгі прамывае.
Зьвіліны вашых маршрутаў – на гданьскіх мапах.
Міма цябе пралятаюць аблокі, птушкі, трамвай,
караблі з Вэстэрплітэ і электрычкі на Мальбарг.

Вучыш замежныя мовы па караоке.
Джаз-фэстывалі чаек на молах і пірсах.
Кожная дзеўка – анёл, найчасьцей – каравокі.
На языках без касьцей сустракаецца пірсінг.

Праздник поэзии

(по мотивам Андрэя Родионова)

Вечер поэзии, увы, переносится –
автор вчера получил в переносицу.

Автор хотел быть поэтом-хулиганом,
и не прочитает теперь ни фи́га нам.

Автор читал свои стихи проституткам.
На третьей строке его назвали ублю́дком.

Молчание – золото, слово – серебро.
Автор ответил. А ему – под ребро.

Автор нас баловал изящными строчками,
пока теплым вечером не дали по почкам.

Любитель Бодлера, переводчик Паунда
не продержался до конца первого раунда.

Для чужих мозгов не жалея пудры,
на компьютере выдрачивал про любовь все утро,

держался за мышку на зависть микки-маусу,
а вот в реальной драке взял и застремался.

Автору заехали шикарным ботинком,
поэтому мы отменяем вечеринку.

Упал на землю, вот и песня вся.
Вечера не будет. Праздник удался.

У плянэтары і сьпіш пад коўдрай Вялікай Мядзьведзіцы,
і загараш пад хмарным небам на злосьць прагнозам;
істота, якая здалёк чырвонаю скураю сьвеціцца,
выкладчык ліцэю, паэт з абгарэлым носам.

А потым дашлеш па пошце альбо напішаш у посьце
верш-апраўданьне, сам сабе абаронца,
што ты тут паводзіўся, як і належыць госьцю:
не згараў на буйках і не заплываў за сонца.

***

Две ложки соли на кружку теплого моря –
того, что течет с волос и на лице не стынет.
Просачиваешься сквозь границу на встречу со светлым *tomorrow*
и впадаешь в море в районе Гданьска и Гдыни.

Мокрый ветер, с утра мозги промывая,
извилины ваших маршрутов корректирует очень кстати.
Мимо тебя пролетают тучи, птицы, трамвай,
электрички на Мальборг и катера с Вестерплаттэ.

Иностранные языки изучаешь по караоке.
Джаз-фестивали чаек на молах и пирсах.
Любая девчонка – ангел, чаще всего – карекий.
На языках без костей встречается пирсинг.

В планетарии спишь под одеялом Большой Медведицы,
и загораешь под хмурым небом на зло прогнозам;
фигура, которая издали красною кожей светится,
лицейский учитель, поэт с обгорелым носом.

А потом вышлеш по почте или напишеш в посте
стишок-оправдание твоей и чужой бессонницы,
что ты вел себя тут, как и положено гостю:
не сторал на буйках и не заплывал за солнце.

Калядны рэп

У краіне, дзе поўны тормаза націскае на тармазы;
дзе адно й тое самае сьвята адзначаюць чатыры разы,

каб насельнікі, як наркаманы, зноў і зноў адчувалі прыход
навагодняга сьвята зь вечна новай назваю “Новы год”;

дзе фартуна, як сьнежная баба, усміхнецца табе анфас,
павіншуй кожнай вітрынай: “с рождеством и калядамі вас!” –

ты ня бачыш, ляціш на паўночных аленьях у кірунку Караганды,
покуль Дзед Мароз барадою з ваты замятае твае сьляды.

І паўночнае зьяньне ў вочы, і палярная зорка ўтары,
і на ўсіх саях сьвятога Міколы замежныя нумары.

І складаеш калядную песьню, і выходзіць сьнежаньскі рэп,
і сьпяваў бы, калі б ня поўнач і ня мінус сем на дварэ б.

Гэтай поўначы хопіць зь лішкам на астатнія паўжыцьця...
А назаўтра ў яслях выходны – толькі вол, ягня і дзіця.

Баю-бай, маленькі Ісусе,
ў Бэтлееме і ў Беларусі.

Рождественский рэп

В стране, где полные тормоза нажимают на тормоза,
по четвертому разу одно Рождество отмечать – совсем не шиза,

чтобы жители, как наркоманы, снова чувствовали приход
новогоднего праздника с вечно новым названием «Новый год»;

где фортуна, как снежная баба, улыбнется тебе анфас
и поздравит с каждой витрины: «с рождеством и колядами вас!» –

ты не видишь, летишь на оленьях северных в сторону Караганды,
пока Дед Мороз бородой из ваты замечает твои следы.

И в глазах полыхает север, и звезда – как во лбу дыра,
и на санках святого Николы заграничные номера.

И ты пишешь колядку, а выходит декабрьский рэп,
и ты пел бы, если б не полночь и не минус семь на дворе б.

Это полночи хватит еще на полжизни, куда б ты ни шел.
А назавтра в яслях выходной – лишь младенец, ягненок и вол.

Баю-бай, малыш Иисусе,
в Вифлееме и в Беларусі.

2. Несымэтрычныя сны

2. Несимметричные сны

***

невядомыя кветкі паўзуць на сьвятло з вазоніка
зеляніны ўсё болей – болей чым на даляры
безьбілетны *спутник землі* пералётнае сонейка
робіць кола па небе і сядзе на твае акуллары

матылёк на далоні як сэрца б'ецца бяз допінгу
па-пластунску ў атаку вусень паўзе па камлі
і вясна распранае зямлю да зялёнага топіка
і цікаўным відаць аголены пуп зямлі

***

неведомые цветы лезут вверх на пределе эмоций
и зеленой чем банкноты их корешки и верхки
безбилетный *sputnik* земли перелетное солнце
делает круг по небу и садится тебе на очки

мотылек на ладони как сердце бьется без допинга
гусеница в атаку ползет словно танк сожгли
и весна раздевает землю до зеленого топики
и каждый прохожий любит голым пупом земли

***

веру ў прагнозы надвор'я і ўласнаму воку
ад смагі ня будзе адбою смазе ня скажаш адбой
нібы ў запой уваходжу ў дзесяцідзённую сьпёку
мінус надзея трапіць сюды з табой

зранку шаманю ганяю сухія хмары над галавою
часам закліняе думку але заклінае рука
і хмары ідуць без канвою і вышываюць неба канвою
на ліпеньскіх краявідах знаёмага мастака

зь першага дня на галовы валіцца ліпень
саракаградусным сонцам але не здаюся бяз бою
веру што ў Вільні якраз пачынаецца лівень
і напаўзае на Трокі й спыняецца над табою

і я не магу заснуць адмарожаны сьпёкаю
гіпнатызуючы словы якіх табе не скажу
а ноч такая вялікая а ты такая далёкая
што падаецца літоўскаю кропляй дажджу

***

верю в прогноз погоды и собственным взглядам беглым
от жажды не будет отбоя сушиняку не скажешь отбой
словно в запой вхожу в десятидневное пекло
минус надежда здесь оказаться с тобой

утром шаманю и разгоняю тучи над головою
мысли заклинит тогда вся надежда на силу рук
и тучи идут без конвоя и вышивают небо канвою
на июльских пейзажах художника шляющегося вокруг

с первого дня мою голову вырубает пьяные волны
солнца сорокаградусного но не окончен бой
я верю что в Вильнюсе прямо сейчас ливень рванет
по полной
и наползет на Тракай и остановится над тобой

и я не могу заснуть отмороженный жарким летом
слова которых тебе не скажу плачут не уходя
а ночь такая большая и неизвестно где ты
далекая как литовская капля дождя

***

ты ўмееш гадаць бяз кавы досыць цынамону й гваздзікі
арыентуецца ў музыцы і паралельных сусьветах
юная нібы яшчэ не запалены маладзік і
старая як вечнасьць таму пагашаны ў небе ветях

заўсёдніца ў кожным касьцёле сынагозе і кірсе
готовая ехаць стопам а потым вяртацца па шпалах
а потым выйсьці на подыюм хістаючыся як на пірсе
такая лёгкая што здаецца змые любы фотаспалах

покуль мэтро развозіць па навагоднім аргане
 покуль мяне развозіць – праўду мяшаў з манюю
 ты засынаеш у недасяжнай дзявочай фата-маргане
 і прачынаешся ў ложку побач са мною

***

ты умееш гадать без кофе – и все у тебя в порядке
 с ориентацией в музыке и параллельных мирах
 как молодая луна играешь с тучами в прятки
 а после идешь на убыль как мир стара

тусуешся в каждой церкви библиотеке и пабе
 и автостоп по шпалам будет особой фишкой
 а после выйдешь на подиум покачиваясь как на палубе
 такая легкая что может смыть любой фотовспышкой

пока нас метро развозит фонарями моргая
 пока развозит меня между вином и виной
 ты засыпаешь в недостижимой девичьей фата-моргане
 и просыпаешься утром рядом со мной

Et si tu n'existais pas...

калі б цябе не было ў вялікім сусьветным раскладзе
 я выдумаў бы што ты далёкі касьмічны спалах
 сьвятлом бы табе дасылаў эсэмэскі ўва ўмоўным ладзе
 і дарогу б чытаў па тваіх зорных ініцыялах

я наносіў бы тваё ймя на зямныя й нябесныя мапы
 прамаўляў бы яго на ўдыху захлынаючыся ад шаленства
 і ня верыў што нават малпа можа паходзіць ад малпы
 бо ўсё выглядала б створаным на божае падабенства

я складаў пра цябе й гарлаў бы невядомыя іншым песьні
 і суседзі прачнуўшыся ўночы ня зналі б каго я клічу
 я глыбока сярод зімы пасылаў бы іх... на прадвесьне
 і ўпершыню ў жыцьці не баяўся б таннага кічу

калі б цябе не было выдумляў бы цябе як твор я
 і павольна канаў ад шчасьця ня просячы эўтаназіі
 мой аловак бы лётаў па-над зямлёй як указка прагнозу надвор'я
 але ты ў мяне ёсьць і ня ведаю што рабіць са сваёй фантазіяй

Et si tu n'existais pas...

если б не было тебя в великом раскладе мира
я выдумал бы тебя как вспышку космического огня
посылал бы тебе смски наплевав на черные дыры
инициалы твои были б звездами для меня

я дарил бы имя твое недавно открытым странам
и небесным дорогам его бы присваивал тоже
и не верил бы что обезьяна происходит от обезьяны
ибо все было б очень похоже на подобие божье

о тебе сочинял бы я песни и орал бы куплет за куплетом
и соседи проснувшись ночью не знали б о ком пою
посреди зимы я послал бы их прямо в... лето
не боясь дешевого китча в попсовом этом раю

ты была бы последним криком и первым шепотом моды
и я умирал бы от счастья не прося эвтаназии
мой карандаш бы летал над землей указкой прогноза погоды
но ты есть у меня и не знаю что делать с моей фантазией

***

лѣс цалуе цябе ў шчаку ты яму падстаўляеш вусны
бо жывеш да нашае эры і ня лічыш нашых гадоў
твая мэтрыка даўні эпас дагамэраўскі дзеньнік вусны
белай пенаю раскіданы па сузор'і сямі гарадоў

ты ня бачыш павольных сноў і ня танчыш павольных танцаў
бо твая рытмічная памяць захавала выбух і ўсхліп
не хапае паветра ў лёгкіх ды ня хочаш лёгкіх дыстанцыяў
бо ня маеш часу і месца на паўторны відэакліп

алімпійскія гульні жарсьці на якіх за цябе заўзюю
а вакол равуць стадыёны і прыемна што мы адны
засынаем да новай эры і прыходзяць дзіўныя сны
як жыцьцё што бачым з акна авангардавага музэю

***

бог целует в щеку а ты подставляешь губы искусанные
ведь живешь ты до нашей эры до эдемских висячих садов
твоя метрика древняя песня догомеровский эпос устный
белой пеной разбросанный по небу в зодиаке семи городов

ты не видишь медленных снов не танцуешь медленных танцев
ведь твоя ритмичная память сохранила и взрыв и всхлип

не хватает воздуха в легких но не ищешь легких дистанций
и ни времени нет ни места на повторный видеоклип

на любовной олимпиаде на твои рекорды глазею
а вокруг режут стадионы только нам они не слышны
засыпаем до новой эры и приходят странные сны
нереальны как жизнь из окна в авангардном музее

Несымэтрычныя сны

каб меў я мабільнік, зараз было б на ім безь сямі тры
ноч – і мы сьнім адно аднаго, але без сымэтрыі

ты сьніш, быццам я на верш для цябе не шкадную паперы
я сьню, быццам ты мне звоніш, і я званю – табе ў дзьверы

ты сьніш, бы вязеш з бацькамі знаёміць, а я – што іх дома няма
і ты са мной застаеся зусім нечакана сама

ты сьніш, нібы я сарамлівы, а я – што нахабны і дужы
ты – быццам кахаю ў душЫ, а я – што кахаю ў дУшы

ты сьніш, нібы кажаш: каго яшчэ ў свае запішу я абраньніцы
а я – што лаві імгненьне і хопіць згадаць аб раніцы

ты сьніш, бы звоніць мабільнік і мы спыняемся ў выніку
а я – што за кайф, калі табе не ламаюць кайф па мабільніку

я сьню, нібы вучыш мяне такім рэчам, якім не вучылі ў школе
ты сьніш, нібы я нарэшце кажу, чаго не казаў ніколі

я сьню, што мы разам з табой парушаем да раніцы цішыню
у сьне, дзе ты проста ню, а я цябе проста сьню

Несимметричные сны

будь у меня мобильник, на нем было бы без семи три
ночь – и мы снимся друг другу, но без симметрии

тебе снится, что я стихи о тебе пишу, как зверь
мне снится, что ты мне звонишь, а я звоню – тебе в дверь

снился тебе, твои предки нам рады, а мне – что их дома нет
и ты остаешься со мной одна, и я выключаю свет

тебе снится, что я subtilный, а мне – что крутой и дюжий
тебе – что люблю я тебя в душЕ, а мне – что люблю тебя в дУше

тебе снится, что ты говоришь: на кого, мол, завтра положишь глаз
а мне – что лови мгновенье, пока оно есть у нас

тебе снится – звонит мобильник, словно постельный стоп-сигнал
а мне – что за кайф, если по мобильнику никто тебе кайф не ломал

мне снится, ты учишь меня такому, чему не учили в школе
тебе – что самцы вроде меня размножаются и в неволе

мне снится, что мы с тобой до утра разгоняем грусть
во сне, где ты просто ню, а я тебе просто снюсь

Опытка

З раніцы мыю вочы,
забыўшы зняць акуллары,
якіх зусім не адчуваў
у сьне,
апроч адной хвіліны –

калі ты ўжо зняла
бікіні
і яшчэ не надзела
звычайнага станіка,

а я ўжо зняў
цёмныя акуллары
і яшчэ не надзеў
звычайных –

для ніцавокіх лунатыкаў,
што адлюстроўваюцца
у сваіх шкельцах,
як у люстэрку
задняга агляду,
а таму ня могуць
падглядаць за табой.

І ты трымала мяне за руку,
пераключаючы сны
і не даючы мне
выпадаць на паваротах.

А пасья
перавысіла хуткасьць
і адчыніла дзьверку,
і я вываліўся
зь легкавіка твайго сну –

Оптика

Утром мою глаза,
забыв снять очки,
которых совсем не ощущал
во сне,
кроме одного момента –

когда ты уже сняла
бикини
и еще не надела
обычного лифчика,

а я уже снял
темные очки
и еще не надел
обычных –

для близоруких лунатиков,
что отражаются
в своих стекляшках,
как в зеркальце
заднего вида,
и потому не могут
подглядывать за тобой.

И ты держала меня за руку,
переключая сны
и не давая мне
выпадать на поворотах.

А потом
превысила скорость
и открыла дверцу,
и я вывалился
из легковушки твоего сна –

у адных акулерах,
дзе яшчэ не астыла
тваё апошняе
адлюстраваньне.

в одних очках,
где еще не остыло
твое последнее
отражение.

Постымпрэсіянізм

Дзіцём
спрабую забрацца на бабуліну печ –
і рукі па самыя плечы
патанаюць у чорным моры
семак,
якое бабуля спрабуе высушыць.

Таго часу
семкі сохлі на дзіва хутка,
а сяброўкі
не саромеліся іх лузгаць
пры мне,
і шалупіньне проста
вісела ў іх на вуснах,
зусім не забіваючы
жаданьня цалавацца.

І я здымаў яго –
асьцярожна, як сапёр,
бо першы дотык
запраста мог быць апошнім,
а так хацелася працягу,
пагатоў на печы
высыхалі новыя семкі.

З таго часу
я знаюся на сланечніках
ня горш ад Ван Гога,
а на гарбузах
нашмат лепш за яго.

Постимпрессионизм

Ребенком
пытаюсь забратъся на бабушкину печь –
и руки по самые плечи
тонут в черном море
семечек,
которые бабушка пытается высушить.

В те времена
семечки сохли на диво быстро,
а подружки
не стеснялись их лузгать
при мне,
и шелуха просто
висела у них на губах,
совсем не отбивая
желания целоваться.

И я снимал ее –
осторожно, как сапер,
ведь первое прикосновение
запросто могло быть последним,
а так хотелось продолжения,
тем более, что на печи
сохли новые семечки.

С тех пор
я разбираюсь в подсолнухах
не хуже Ван Гога,
а в тыквенных семечках
намного лучше его.

Любоўная вайна

Як ножкі цыркуля...
Джон Дон

Крэсьлім новыя межы,
пажыраем чужыя тэрыторыі.

Любовная война

Как ножки циркуля...
Джон Донн

Чертим новые границы,
пожираем чужие территории.

І я ўжо захапіў
палову сушы,
і ты ўжо захапіла
палову сушы.

А няўмелыя рукі
ўсё не навучацца трымаць
сваёй зброі.

Як ножкі двух цыркуляў,
пераплятаюцца твае і мае
драўляныя палачкі.

И я уже захватил
половину суши,
и ты уже захватила
половину суши.

А неумелые руки
все не научатся держать
своего оружия.

Как ножки двух циркулей,
переплетаются твои и мои
деревянные палочки.

Азёрная школа паэзіі

І было возера,
канцавы прыпынак гарадзкой чыгункі.

І было неба,
канцавы прыпынак яго легкадумных мрояў,
шэсьць дзён падарожжа праз дождж.

І было сонца на сёмы дзень.
І пабачыў ён,
што шэсьць папярэдніх было горай.

І былі ветразі,
параходы й буйкі
з папярэджаньнем «не заплываць».

І было іх двое на цэлым сьвеце,
калі не лічыць вадаплаўных –
чаек і весьляроў-акадэмістаў.

І была яна топлес,
у модных шортах,
зь яблыкам у кішэні,
які выпіраў збоку,
нібы мячык у тэнісісткі,
што рыхтуецца да першай падачы...

Другой падачы не спатрэбілася.

Озерная школа поэзии

И было озеро,
конечная остановка городской электрички.

И было небо,
конечная остановка его легкомысленных грез,
шесть дней путешествия сквозь дождь.

И было солнце на седьмой день.
И увидел он,
что шесть предыдущих было хуже.

И были паруса,
параходы и буйки
с предупреждением «не заплывать».

И было их двое на целом свете,
не считая водоплавающих –
чаек и гребцов-академистов.

И была она топлес,
в модных шортах,
с яблоком в кармане,
что выпирало сбоку,
словно мячик у теннисистки,
готовящейся к первой подаче...

Второй подачи не понадобилось.

***

ён гаварыў ёй дурноты ён дарыў ёй канвалі
немагчымыя гэтай парою ў іншым сюжэце
яны абдымаліся так часта нібы іх увесь час фатаграфавалі
толькі вочы казалі: майму (маёй) не кажэце

балтыйскія дні і ночы пражываліся наўздагад
ды вочы ад недахопу сну не зьліпаліся ні на ёту
там дзе месца сустрэчы неба і мора цнатліва прыкрыў плакат
рэкламуючы па-над пляжам аўтамабіль таёту

а калі джэніз джоплін перакрыквала гданьскі прыгарадны цягнік
і зрывалася на цішыню што наступала пасья яе
ён зразумеў што цуд незваротна зьнік
калі хутка дыхаеш неба ня ў тое горла трапляе

і можна казаць як дрэнна страляюць п'яныя амуры
як цяжка ў сучасным шоў з меладрамай старою
а проста свая кашуля бліжэйшая да апаленай скуры
немагчымай у гэтым сюжэце іншай парою

***

он говорил ей глупости он приносил ей ландыши
невозможные в это время в другом раскладе
они обнимались так часто – глубже, пацан, дыши –
словно их постоянно снимали светской хроники ради

балтийские дни и ночи были прожиты наугад
и глаза от нехватки сна не слипались уже ни на йоту
там где место встречи неба и моря стыдливо прикрыл плакат
рекламируя небу и морю автомобиль тойоту

а когда дженис джоплин перекрикивала гданьскую электричку
поскольку от грохота рельсов ее как-то особенно перло
он понимал что чудо опять превратится в привычку
если дышать так часто, небо вновь попадет не в то горло

ты скажешь, амур не настолько привык к оптическому прицелу
чтоб свадьба текла по усам и нос в шоколадном креме
а просто своя рубашка ближе к обожженному солнцем телу
невозможному в этом раскладе в другое время

Зімовыя гульні

Яна любіла зімовыя алімпійскія гульні – выбух адрэналіну
здараўся, калі глядзела скачкі на лыжах з трампліну.

Падумаць толькі, ты коцісься ўніз па нахіленай плоскасці –
здаецца, гамон, але не, бо наперадзе ўзьлёт, набліжэньне да боскасьці.

Такого ня бачыў ні бацьшкі, ні ксэндз, ні віцебскі рэбе:
аўстрыйскі анёл беларускім буслам завіс у японскім небе.

Покуль не зразумела, што пофіг зімовы спорт,
калі для яе на гітары бярэцца складаны акорд.

Пофіг заняткі ў школе, пофіг Купала і Колас,
калі малады літаратар на ёй выпрабуе голас.

І слухала да знямогі яго высокае мі,
бы корпіяй раны, заткнуўшы ад сьвету вушы навушнікамі.

Славянскі базар сябровак на тэмы нафты і газу,
а ейных пытанняў рыторыка не патрабуе адказу.

Бо катарсіс з комам у горле ня тое, што лёгкі катар,
бо лёс не зімовая алімпіяда, а божанька не камэнтатар.

Так і жыла, ад музыкі скразьнякоў затыкаючы вушы ватай.
А бусел, як біятляніст, намотваў штрафныя кругі над ейнаю хатай.

Зимние игры

Она любила зимние олимпийские игры – взрывы адреналина
случались, когда смотрела прыжки на лыжах с трамплина.

Подумай, ты катишься вниз по наклонной плоскости –
и вроде хана, как вдруг – летишь, и что тебе пропасти.

Такого не видел ни батюшка, ни ксэндз, ни витебский ребе:
австрийский ангел завис, словно аист, в японском небе.

Пока не сообразила, что пофиг ей зимний спорт,
когда для нее на гитаре берется сложный аккорд.

Пофиг занятия в школе, пофиг Пушкин и Фет,
когда свой пробует голос на ней молодой поэт.

До изнеможения слушать его высокое ми,
как корпией – раны, заткнув от мира уши наушниками!

Славянский базар подружек на темы Москвы и Польши,
а ее вопросов риторика ответов не требует больше.

И катарсис – комом в горле, и тонет прогулочный катер.
Судьба – не олимпиада, а боженька – не комментатор.

Так мишень пораженная пули не слышит свист...
И аист над крышей штрафные круги мотал, как биатлонист.

***

дзень ад сонца і траваў цяжкі й павахны
запамарока вось-вось расхітае зямную вось
зьлева і справа расчыненыя ўсе вокны
птушка магла б твой вагон праляцець наскрозь

церазь цябе хвіліны плывуць чаргою
паразумежны са сьветам такое што проста жак
бо прыгажуня насупраць дрыгае доўгай нагою
у такт мэлёды што гучыць у цябе ў вушах

нават паверыў – жыцьцё нам яшчэ пасьпявае
дзён і начэй да халеры і шчасьце на нашым баку
ножка красуні за музыкай не пасьпявае
мажны бойфрэнды на калена паклаў руку

***

сонца схавала праменьне ў тваім настроі
ў небе цукровая вата і польскія лёды
ты ўмыкнула плеер цяпер нас трое
і я ня сплю пад дыктоўку тваёй мэлёды

і я трымаю ў вушах крыху тваёй музыкі
і я трымаю ў грудзях крыху твайго паветра
але мае фантазіі зашпіленыя на ўсе гузікі
але твае мрой і на пляжы ня ходзяць бяз швэдра

адлегласьць у сорак мэлёдыў – не з малых
і мы да самай мяжы будзем мець заняткаў
каштуючы адно аднаго на слых
спалучаныя сасуды пад знакам сыямскіх блізнятак

***

день настоялся на солнце и ароматных травах
кружится голова и сейчас раскачает земную ось
окна распахнуты настезь слева и справа
птице легко пролететь твой вагон насквозь

время плывет сквозь тебя правильной чередой
с миром контакт налажен на всех уровнях и этажах
даже девица напротив дрыгает стройной ногой
в такт мелодии что звучит у тебя в ушах

ты было поверил – жизнь нам налет по сотке
дней и ночей выше крыши и счастье само придет
не успевает за музыкой ножка красотки
жирный бойфренд на коленку ей руку свою кладет

***

солнце свои лучи на тебя настроило
небо набито мороженым и сахарной ватой
ты включила плеер теперь нас трое
и я не сплю под диктовку твоего хит-парада

и я держу в груди чуть-чуть твоего дыхания
и я держу в ушах обрывки твоих мелодий
но мои фантазии работают лишь на расстоянии
но твои мечты и на пляж без свитера не выходят

дорога в сорок мелодий – нехилое развлечение
и до самой границы будет главной проблемой нашей:
определить на слух качество сообщения
между двумя сосудами под знаком сиамских близняшек

***

даўномінулыя рэчы прыходзяць у сны вар'яту
і згадкі грызуць сумленьне і памяць дзятлам дзяўбе
на гэтым сьвеце ўсё болей якаснага антыкварыяту
і меней і меней месца няякаснаму табе

ды ёсьць яшчэ сонца анфас і месяц зь цёмнага боку
а значыць будуць заплывы ў зьлівы і будуць пленэры ў сьпёку
гадзіны прух і няпрух і вечны мастацкі рух
навобмацак да намэтаў сябровак і проста падрут

і будуць новыя творцы ў вершах старанна якаць
палохаючы старанна зробленымі пачварынамі
а новы няякасны аўтар шукацьме такую якасьць
каб антыкварныя вершы зрабіліся ўрэшце кварнымі

***

сны о потерянном времени являются как расплата
дятел стучит по дереву – мол, знай о своей судьбе
в этом мире все больше и больше качественного антиквариата
и все меньше и меньше места некачественному тебе

но есть еще солнца анфас и месяца желтый профиль
и лирики-дилетанты и делирики-профи
и броуновское движение от вечных прух и непрух
наощупь к палаткам подружек и просто подрут

отряды новых писателей все перепишут начисто
высокопарные парни с рифмами парными
и новый плохой поэт родится под знаком качества
чтоб антикварные тексты стали в итоге кварными

3. Интымная гігіена

Чэмпіянат Эўропы

З кім толькі
ні параўноўвалі Эўропу,
дзяўчынку-каўбоя,
што ўседзела на бычынай сьпіне
максымальна доўга,
аж да самага канца радэа.

Я неяк назваў яе пясочніцаю,
куды не пускаюць беларускіх дзетак
іх нацыянальна непрасунутыя бацькі.
Сёй-той абразіўся параўнаньнем,
хоць, мяркую,
каўбоям і матадорам спадабалася б.

Але я тады думаў
не пра пясочную арэну
палітычнай карыды,
а пра досыць нявінныя дзіцячыя забавы
з саўком
(я пра маленькую рыдлёўку),
плястмасавым самазвалам
ды алавянымі жаўнерыкамі,
калі кожны з нас быў генэралам,
які толькі пачынаў сваю
пяшчаную кар'еру.

Што да дзяўчатак, то яны
пераважна рабілі “сакрэты”,
выкопваючы ў пяску ямінкі
і аздабляючы гэтыя дамавінкі
жывымі кветкамі
і (нежывымі) паперкамі ад цукерак і жуек.
Галоўнай часткаю інсталяцыі
быў каляровы кавалачак шкла,
што клаўся паўзверх –
і атрымлівалася *красиво*;
потым “сакрэт” закопваўся,
старанна хаваўся, але так,
каб лёгка было знайсці,
асабліва іншым.

Толькі праз шмат гадоў я зразумеў,
што гэта былі правобразы
нашых будучых інтэрнэт-сайтаў,
вершаў і порназдымкаў,

3. Интимная гигиена

Чемпионат Европы

С кем только
ни сравнивали Европу,
девчонку-ковбоя,
что удержалась на спине быка
максимально долго,
аж до самого конца родео.

Я как-то назвал ее песочницей,
куда не пускают белорусских детей
их национально непродвинутые родители.
Кое-кто обиделся на сравнение,
хотя, думаю, ковбоем и матадорам понравилось бы.

Но я тогда думал
не о песочной арене
политической корриды,
а о достаточно невинных детских забавах
с совком
(я про маленькую лопатку),
пластмассовым самосвалом
и оловянными солдатиками,
когда каждый из нас был генералом,
который только начинал свою
песчаную карьеру.

Что до девочек, то они
в основном делали «секреты»,
выкапывая в песке ямки
и украшая эти гробики
живыми цветами
и (неживыми) обертками от конфет и жвачек.
Главной частью инсталляции
был цветной кусочек стекла,
что клался сверху –
и получалось *красиво*;
потом «секрет» закапывался,
старательно прятался, но так,
чтобы легко было найти,
в особенности другим.

Только через много лет я понял,
что это были прообразы
наших будущих интернет-сайтов,
стихов и порноснимков,
что бабочками летят на свет

што мятлікамі ляцяць на сьвятло
і заблытваюцца ў сусветнай павуціне,
у душы прагнучы
звярнуць на сябе хоць якую ўвагу,
ды ўпарта хаваючы
свае сумнеўныя “сакрэты”,
нібы тая Эўропа,
чэмпіёнка радэа,
старая панна,
што так і ня зьлезла з бычынае сьпіны
для чаго іншага.

и запутываются во всемирной паутине,
в душе надеясь
привлечь к себе хоть какое-то внимание,
и упрямо пряча
свои сомнительные «секреты»,
как та Европа,
чемпионка родео,
старая дева,
что так и не слезла со спины быка
ради чего-то другого.

Вэлягонка пратэсту

Паліцэйскія мігалкі
даюць першы залп у вочы,
а далей
кароткімі чэргамі
бліскаюць сьпіцы ровараў.

У горадзе вэлягонка пратэсту.

Тысячы колаў.
Джэм-сэйшн кляксонаў.
Заплечнікі танчаць у такт.

Хто сядзіць у сядле,
хто, лежачы,
рушыць нагамі наперад.
(Так, мабыць, выгодней.)
Хто з прычэпам –
вэлякальскай
для пратэстуючых немаўлят.

Дык супраць чаго?..
Не даюць адказу.

Апошні ровар.
Кантрольны сонечны блік
на сьпіцах.

Але ты адчуваеш
дзіўную салідарнасьць,
нібы нарадзіўся
у вэляпрычэпе,
а потым падрас,
перасеў на ровар,
адкінуў трэцяе кола,
адчуў між нагамі раму,

Велогонка пратэста

Полицейские мигалки
дают первый залп в глаза,
а затем
короткими очередями
вспыхивают спицы велосипедов.

В городе велогонка протеста.

Тысячи колес.
Джем-сейшн клаксонов.
Танцуют в такт рюкзак.

Кто сидит в седле,
кто, лежа,
двигает ногами вперед.
(Так, возможно, удобней.)
Кто с прицепом –
велоколяской
для протестующих малышей.

Так против чего?..
Не дают ответа.

Последний велосипед.
Контрольный солнечный блик
на спицах.

Но ты чувствуешь
странную солидарность,
словно родился
в велопричепе,
а потом подрас,
пересел на велосипед,
отбросил третье колесо,
почувствовал между ногами раму,

наладзіў кляксон ва ўнісон –
і ўплёўся ў хвост каравану
й пляцесься ў гэтым хвасьце,
і некалі выб'есся ў лідэры,
так і не зразумеўшы,
супраць чаго пратэстуеш.

наладил клаксон в унисон –
и вплеся в хвост каравана,
и плетешься в этом хвосте,
и когда-нибудь выбьешься в лидеры,
так и не поняв,
против чего протестуешь.

Лятэрэя

“Білеты на заўтра! Білеты на заўтра!” –
заклікае прадавачка на выхадзе з мэтро,
а ты не ўрубаеся:
гэта як – “білеты на заўтра”?

Разумееш там, на канцэрт, на футбол...
Цікавае, мабыць, відовішча гэтае “заўтра”.

Альбо: на цягнік, на аўтобус...
Заўтра што – канец месяца,
і яны распрадаюць праезныя,
сапраўдныя адзін дзень?
А пазаўтра прыйдуць кантралёры і –
лепш бы ты купіў на футбол!

Так што, заяц, глядзі ў каляндар,
сачы, колькі жывеш бясплатна
і ці не пара набыць
адваяваны ў безьбілетнага нябыту
кавалак жыцьця –
сапраўднага
адзін дзень.

Вось так пачуеш нешта,
і ўрубіся, ня ўрубіся –
лятэрэя!

Большасьць мэтафараў сьвету –
рэкламныя сьляганы,
у якія ты не ўрубіўся.

Полтэргайст

Зранку рукі над лэптопам
трасуцца так,
што цыгарэта падае на падлогу
зь іншага краю стала.

Лотерея

«Билеты на завтра! Билеты на завтра!» –
выкрикивает продавщица на выходе из метро,
а ты не врубаешься:
это как – «билеты на завтра»?

Понятно там, на концерт, на футбол...
Интересное, должно быть, зрелище это «завтра».

Либо: на поезд, на автобус...
Завтра что – конец месяца,
и они распродают проездные,
действительные один день?
А послезавтра придут контролеры и –
лучше бы ты купил на футбол!

Так что, заяц, гляди в календарь,
следи, сколько живешь бесплатно,
и не пора ли купить
отвоенный у безбилетного небытия
кусочек жизни –
действительный один день.

Вот так услышишь что-то,
и врубился, не врубился –
лотерея!
Большинство метафор этого мира –
рекламные слоганы,
в которые ты не врубился.

Полтергейст

С утра руки над ноутбуком
трясутся так,
что сигарета падает на пол
с другого края стола.

Адкуль яна тут?
Ты ж ня паліш дзесяць гадоў.

Відавочна, полтэргайст.
Хто яшчэ мог за адну ноч
нанесьці сюды столькі пляшак зь віном,
спаражніць іх
і параскідаць у лазенцы?

І што робіць куртка
амаль не знаёмага табе музыкі
на тваім унітазе?

І чаму ложкаў у пакоі
стала ўтрая больш, чым было?
І што за людзі сьпяць на іх зранку?

І хто скраў з тваёй галавы
амаль гатовы прыўкрасны верш,
зь якім так радасна засыналася ўначы
у пятніцу трынацатага?

А ў суботу чатырнацатага
рукі над лэптопам трасуцца так,
што цыгарэта падае на падлогу
зь іншага краю стала.

Пра твае і мае майткі

Хто сказаў, што нельга корпацца
у чужой бялізне?
Няпраўда!
Калі вельмі хочацца, можна.
Напрыклад, у маёй.
Альбо ў нашай, калі ты ня супраць.

А што, пакажам ім нашу бялізну!
Апавядзем інтымныя прыгоды
нашых майткоў,
да якіх часам – як трэці лішні –
далучаецца й твой станік.

Уяві сабе, ноч, напоўненая каханьнем,
і, здаецца, увесь сьвет думае толькі пра адно,
а нашы майткі ляжаць
і цнатліва чакаюць
на піанэрскай адлегласьці,
покуль мы як найменей згадваем пра іх.

Откуда она здесь?
Ты же не куришь десять лет.

Все ясно – полтергейст.
Кто еще мог за одну ночь
принести сюда столько бутылок с вином,
опустошить их
и разбросать в ванной?

И что делает куртка
почти не знакомого тебе музыканта
на твоём унитазах?

И почему кроватей в комнате
стало втрое больше, чем было?
И что за люди спят на них с утра?

И кто украл из твоей головы
почти готовое прекрасное стихотворение,
с которым так радостно засыпалось ночью
в пятницу тринадцатого?

А в субботу четырнадцатого
руки над ноутбуком трясутся так,
что сигарета падает на пол
с другого края стола.

Про твое и мое белье

Кто сказал, что нельзя копаться
в чужом белье?
Неправда!
Когда очень хочется, можно.
Например, в моем.
Или в нашем, если ты не против.

А что, покажем им наше белье!
Расскажем об интимных похождениях
наших трусиков,
к которым иногда – как третий лишний –
присоединяется и твой лифчик.

Представь себе, ночь, полная любви,
а наши трусики лежат
и смущенно ждут
на пионерском расстоянии,
пока мы меньше всего думаем о них.

Але потым, потым,
узнагароджаныя за доўгую разлуку,
яны ўрэшце сустрэнуцца,
пераплятуцца ў гарачых абдоймах
і будуць рухацца, рухацца
ва ўсіх магчымых позах
у нашай пральнай машыне.

А пасля,
да рэшт выціснутыя жарсьцю,
павіснуць у ваннай на суседніх вяроўках,
як персанажы школьных сачыненняў –
стомленыя, але задаволеныя.

Інтымная гігіена

Беручы гарачую ванну
з новым акрылавым пакрыццём,
бярэш заадно
і нешта да чытанья.

Сёння ты ўважліва чытаеш
надпіс на плястыкавым цюбіку –
крэм душ для інтымнай гігіены,
з намаляванай Афродытай,
маса нета 210 гр.

“Нанясеце на мачалку
альбо ўсьпеньце паміж далонямі
і нанясеце на скуру”.

Можа, з гэтай пены, – думаеш ты, –
нехта й народзіцца.
Стоп, а крэм душ – гэта што?
І чаму тады наносіць на цела?

Маўчыць намаляваная Афродыта.
Новае акрылавае пакрыццё
таксама нічога не тлумачыць,
быццам бы дае зразумець,
што няма чаго выпендрывацца,
што твая задача – проста зрабіць выбар:
на мачалку ці паміж далонямі.

Але, пагрузіўшыся ў ванну
па самую эўрыку,
ты разумееш сваю беспэраможнасць,
адчайна лыпаеш павекамі,
а літары ўсё адно размываюцца,

Но потом, потом,
вознагражденные за долгую разлуку,
они наконец встретятся,
переплетутся в горячих объятьях
и будут двигаться, двигаться
во всех возможных позах
в нашей стиральной машине.

А после,
до предела выжатые любовной горячкой,
повиснут в ванной на соседних веревках,
как персонажи школьного сочинения –
усталые, но довольные.

Интимная гигиена

Принимая горячую ванну
с новым акриловым покрытием,
берешь заодно
и что-нибудь почитать.

Сегодня ты внимательно читаешь
надпись на пластиковом тюбике –
крем душ для интимной гигиены,
с нарисованной Афродитой,
масса нетто 210 гр.

«Нанесите на мочалку
или взбейте пену между ладонями
и нанесите на кожу».

Может, из этой пены, – думаешь ты, –
кто-то и родится.
Стоп, а крем душ – это что?
И почему тогда наносить на тело?

Молчит нарисованная Афродита.
Новое акриловое покрытие
тоже ничего не поясняет,
словно дает понять,
что нечего выпендриваться,
что твоя задача – просто сделать выбор:
на мочалку или между ладонями.

Но, погрузившись в ванну
по самую эврику,
ты ощущаешь свою беспомощность,
отчаянно хлопаешь глазами,
а буквы все равно размываются,

покуль ты расщїраеш па твары
салёную субстанцыю
для інтымнай гігіены
душ.

пока ты растираеш по лицу
соленую субстанцию
для интимной гигиены
душ.

4. Прагрэс у літаратуры

4. Прогресс в литературе

Дзіцячая чыгунка

С. Ж.

Вершы
прыбываюць на тваю станцыю,
як цягнік Люмьераў,

як першы
нямы,
чорна-белы кінэматограф.

І ты мусіш тлумачыць фільм,
дагаворваць,
казаць каляровыя словы,
складаць субтытры радкоў.

А кіно –
гукавое даўно:
каляровая рыфма
гучыць непрыстойна.

І ўся надзея на мову,
неразумелую тут
без субтытраў.

Трамвай “Жаданьне”

Остановите, вагоновожатый...

М. Гумілёў

Ты пустазельлем у цяпліцы вырас
і хутка забадаў усіх, бадай...
І рвецца з вуснаў нецэнзурны выраз,
хоць іншаземцу чуюцца: “must die!”

Нясеш па сьвеце небяспечны вірус:
замураваны ў бомбе самурай,
ляціш зь нябёсаў і сягаеш віру зь
небеларускім воклічам “банзай!”

Нібы забыты лірыкамі топас,
блукаеш поначы, п’яны аўтобус,
ці карабель – у акіяне слоў...

Ты із слупамі загуляўся ў кеглі
і йдзеш на дно, а пасажыры зьбеглі,
як толькі флейту ўзяў пацукалоў.

Детская железная дорога

С. Ж.

Стихи
прибывают на твою станцию,
как поезд Люмьеров,

как первый
немой,
черно-белый кинематограф.

И ты должен растолковывать фильм,
договаривать,
произносить цветные слова,
складывать субтитры строк.

А кино –
звуковое давно:
цветная рифма
звучит непристойно.

И вся надежда на язык,
непонятный здесь
без субтитров.

Трамвай «Желание»

Остановите, вагоновожатый...

Н. Гумилев

Ты сорняком в теплице нашей вырос
и всех довел до ручки, так и знай...
И потому сейчас я матом вырази-
лся, хоть вам и слышится «must die!»

По свету ты несешь опасный вирус:
вмонтированный в бомбу самурай,
ты в черных небесах летишь по миру с
небелорусским возгласом «банзай!»

Ты, как забытый лириками топас,
блуждаешь по ночам, бухой автобус,
или корабль – в океане слов...

Отплавав наперегонки с акулой,
идешь ко дну, а пассажиров – сдуло,
когда за флейту взялся крысолов.

Бармэн-сюита

На тытунёвай фабрыцы жанчыны
чатыры дні таму бяз дай прычыны
абвесьцілі агульны лакі-страйк,
і ў бары прыбыло слабога полу:
ціхманы апускае вочы долу,
затое для залётніка – кляндайк!

Наш бар – утульны, танны і спакойны:
сусьветныя паскончваліся войны
і не сваволяць зброяй землякі.
А па-за тым, наш бар – на параплаве,
і лярвы, не забітыя ў аблаве,
бухаюць на сярэдзіне ракі.

Была адна, што больш за ўсіх бухала
й не апускала вейкі-апахалы,
саромячыся позіркаў гасьцей.
Яна была па пашпарце цыганкай,
паводле звычак – нашай выхаванкай
і ўвагі нашай знакі найчасьцей

«зялёнымі» прымала і «капустай»,
ды яўнай не займалася распустай,
бо замужам была, хоць сужанец,
часова кукаваў без сужаніцы,
за кантрабанду седзячы ў вязьніцы:
злавлі на гарачым – і канец.

Фліртуючы з сумнеўнымі сябрамі,
яна чакала пры турэмнай браме,
пакуль яе прапусьціць вартаўнік,
што стаўся сьведкам ейнай прыгажосьці
і дзень пры дні чакаў красуню ў госьці –
і пачуцьця фатальнага ня ўнік.

Ён прагнуў, каб аднойчы, у Сэвільі,
ягоны сон яны ажыцьцявілі,
ў сьвятога абвянчаўшыся айца...
Ён не чытаў «Кармэн» – быў непісьменным.
А я на параплаве быў бармэнам
і бачыў гэту драму да канца.

Няшчасны вартаўнік паходзіў з баскаў
і зь недаверам ставіўся да баксаў,
і шлях, якім пайшоў ён, быў цяжкі:
ён дарыць краскі, краля – анігадкі,
ні гваздзікі ня ўражваюць, ні браткі,
бо іншае дарылі ёй браткі.

Бармен-сюита

Работницам табачного завода
четвертый день, как не мила работа –
у них идет всеобщий «лаки-страйк».
И бар набит до верху слабым полом,
и там, где кто-то кажет очи долу,
для настоящих бабников – клондайк!

Наш бар – уютный, тихий и спокойный,
отгрохотали мировые войны,
с оружием не дружат земляки.
Да и потом, наш бар – на пароходе,
и шлюхи, что остались на свободе,
бухают на излучине реки.

Была одна, что больше всех бухала,
не опускала веки-опахала
и не стеснялась никого вокруг.
Она была по паспорту цыганкой,
а по привычкам – нашей соержанкой,
и хлеб насущный свой из наших рук

«зелеными» брала или рублями,
открыто не развратничая с нами,
поскольку была замужем, хотя
ее супруг, нормальный «вор в законе»,
за контрабанду срок мотал на зоне,
как этого и требует статья.

Построив глазки уличному сброду
у стен тюрьмы, она брела ко входу,
ждала, пока пропустит часовой,
который не встречал девчонок краше,
и день за днем он ждал красотку нашу,
от страсти помирая роковой.

Он так хотел, чтоб как-нибудь в Севилье,
они его мечты осуществили,
святого позадействовал отца.
Он не читал «Кармен» – какого хрена?
А я на пароходе был барменом
и видел эту драму до конца.

Тот вертухай, он относился к баскам
и с недоверьем относился к баксам,
но этот путь помог ему едва:
он дарит ей цветы, а крале – по фиг,
ни сладости не радуют, ни кофе,
совсем другое дарит ей братва.

Ён трызьніў у душэўным неспакоі
 й нача́мі паўтараў імя, якое
 мы блыталі то з карма́й, то з карма́й.
 А здрадніца сядзела ў нашым бары
 і, не знайшоўшы ніштаватай пары,
 маркотна частавалася хурмой...

На параплаве музыка іграе,
 сканчаецца трагедыя старая:
 прыбылы з Андалузіі нацмен
 у бар наш урываецца бяз маскі
 і, лаючыся мацерна па-баскску,
 страляе ў беспасажніцу Кармэн:

«Ну дык не даставайся ж ты нікому!»
 Юрлівіца правальваецца ў кому,
 а там адно цямрэча і цішыня...
 А заўтрашні Выспяньскі (ці Астроўскі)
 нацешыцца й забудзе па-матроску,
 як востраў (выспу) ўчорашняга дня.

Он бредил в круглосуточном режиме,
 ночами повторяя это имя,
 что путают то с кармой, то с кормой.
 А барышня сидела в нашем баре,
 о подходящей тосковала паре
 и безучастно чавкала хурмой.

Пластинка в баре крутится, играя –
 доигрывает сторона вторая.
 Прибывший с Андалузии нацмен
 врывается в наш бар, как есть, без маски,
 и матерясь – конечно же, по-баскски –
 стреляет в бесприданницу Кармен:

«Ну так не доставайся ж никому ты!»
 Такой вот джаз, такие вот замуты,
 сейчас в моторе кончится завод.
 А завтрашний Тургеневоостровский
 натешится и бросит по-матросски
 луч света – в темном царстве вешних вод.

Прагрэс у літаратуры

А ўсё-ткі меў рацыю
 французскі казачнік,
 які кляўся й бажыўся,
 што ёсьць ён, прагрэс у літаратуры.

Сёньняшні Гамэр
 ніяк не залежыць
 ад перабояў электраэнэргіі,
 цалкам можа кіраваць
 новай Нацыянальнай бібліятэкай,
 хоць у душы крыху зайздросьціць
 Рансару й Бэтховэну:
 найлепшыя творчыя вечарыны
 ладзіліся ў ДК таварыства глухіх.

Сапфо
 больш не балятуецца на пасаду
 дзясятай музы,
 бо адмовілася на карысьць кінематографа;
 і хоць не спазнала шчасьлівага каханьня,
 затое атрымала свой нобэль
 за прапаганду паліткарэктнасьці,
 апырэдзіўшы Вэрлена, Рэмбо і Жорж Санд.

Прогресс в литературе

А все-таки был прав
 французский сказочник,
 который клялся и божился,
 что есть он, прогресс в литературе.

Сегодняшний Гомер
 никак не зависит
 от перебоев с электроэнергией,
 вполне может руководить
 новой Национальной библиотекой,
 хотя в душе слегка завидует
 Ронсару и Бетховену:
 лучшие творческие вечера
 проводятся в ДК общества глухих.

Сапфо
 больше не балотируется на пост
 десятой музы,
 отказавшись от него в пользу кинематографа;
 и хотя не познала счастливой любви,
 зато получила свой нобель
 за пропаганду политкорректности,
 опередив Верлена, Рембо и Жорж Санд.

Стары Анакрэнт
даўно кінуў піць
і можа толькі мроіць пра дзяўчатак,
затое ўключаны ў праграму
ўсіх школ і ўнівэрсытэтаў Грэцыі.

Віён
на поўніцу адчуў
усемагутнасць праваабаронцаў,
хоць у краіне так і не скасавалі
сьмяротнага пакарання,
а нават калі скасуюць –
што зьменіць купка дысыдэнтаў
з транспарантамі “дзе Віён?”

Усімі адрынуты Гюго
на ўласным досьведзе зведаў,
што выраз “мець гемарой”
мае ня толькі пераносны сэнс.
Затое цяпер ёсць шоў-бізнэс
і можна пісаць словы на музыку.

Ганкур
вядзе жывы дзённік у інтэрнэце.
Пакутуе на падваенне асобы.

Фолкнэр і Маркес
канкуруюць на рынку турпаслугаў,
прапануючы гарачыя туры
ў Ёкнапатафу і Маконда.

І толькі Катул
не адчуў асаблівых зьменаў:
як дзеве тысячы зь нечым год таму,
ён аплаквае вераб'я сваёй каханай.
Птушыны грып, знаеце...

Старый Анакреонт
даўно бросил пить
и может только мечтать о девочках,
зато включен в программу
всех школ и университетов Греции.

Вийон
в полной мере ощутил
всемогущество правозащитников,
хотя в стране так и не отменили
смертную казнь,
а если б даже отменили –
чем ему поможет кучка диссидентов
с транспарантами «где Вийон?»

Всеми отверженный Гюго
на собственном опыте изведаль,
что выражение «иметь геморрой»
употребляется не только в переносном смысле.
Зато теперь есть шоу-бизнес
и можно писать слова на музыку.

Гонкур
ведет живой журнал в интернете.
Страдает раздвоением личности.

Фолкнер и Маркес
конкурируют на рынке турслуг,
предлагая горячие туры
в Йокнапатофу и Макондо.

И только Катул
не почувствовал особых изменений:
как две тысячи с лишним лет назад,
он оплакивает воробья своей любимой.
Птичий грипп, знаете ли...

Палескі цырульнік

В. А.

Сонца яму на скуры малюе зоркі і свастыкі,
а ён, паслаўшы апёкі да самай яснай халеры,
паказвае найвышэйшую клясу мастацкай гімнастыкі,
калі размотвае стужкай рулён туалетнай паперы.

Плыве за вадою й зрабіўся крыху цырульнікам,
бо неабачлівым рыбкам галовы стрыжэ да шыек,
хвасты падстрыгае русалкам, палескі унікум,
ператвараючы іх у спартсманак-паралімпіек.

Воўну з аблокаў стрыжэ і сплаўляе паверхняй ракі,
а рэшткі ўначы сабе цягне ў намёт пад голаў;
смак хлеба, якім ён корміць мясцовых дзяўчат з рукі,
аддае сродкам ад камароў – зрынутых зь неба анёлаў.

Ён ведае, дзе бярозкі растуць скрозь старыя пні,
нібы на голае цела мераюць фенечкі і маністы.
Калі ён заходзіць мыцца ў раку, у мыльнай пене сьляпні
канаюць, быццам замерзлыя ў горных сьнягох альпіністы.

Гарэлку ператварае ўначы ў навальнічны сок,
які цячэ лістоатау дуба ў жывым электрычным праменьні,
і кроплі здаюцца сухімі, як жоўты палескі пясок,
быццам сябры й сяброўкі кінулі зь неба па жмені.

Полесский цирюльник

В. А.

Солнце ему на коже рисует звезды и свастики,
а он, наплевав на ожоги словно девочка с лентой,
показывает высший класс художественной гимнастики,
разматывая рулон с бумагой туалетной.

Плыл по течению и стал немного цирюльником,
неосторожным рыбкам стрижет головы аж до задниц,
хвосты подстригает русалкам, полесский уникам,
превращая их в спортсменов-перворазрядниц.

Шерсть с облаков стрижет и сплавляет вдоль берегов реки,
остатки кладет под голову в раздумьях, пристроить где бы;
хлеб, которым он кормит местных девиц с руки,
пахнет средством от комаров – ангелов, свергнутых с неба.

Он знает, где березки растут сквозь старые пни,
словно на голое тело меряют фенечки и мониста.
Когда он моется в речке, в мыльной воде слепни
гибнут, словно замерзшие в горных снегах альпинисты.

По ночам превращает водку в электрический сок,
который своими молниями греет деревьям кости,
и кажется – капли сухие, как желтый полесский песок,
словно друзья и подруги бросили с неба по горсти.

Стары паэт

Стары паэт
ня мае шкодных звывак,
бо ад сьпіртнога зранку бывала пякотка,
а ад цыгарэтаў жаўцелі зубы;
потым зубоў ня стала,
ды не мяняць жа звывак на схіле гадоў.
Што да наркотыкаў,
дык ён мог бы намякнуць на знаёмства з імі
дзеля таннай папулярнасьці ў моладзі,
але хай моладзь сама
дбае пра танную папулярнасьць,

а стары паэт
шырока вядомы,
хоць і ў вузкіх колах,
затое настолькі шырока,
што юныя літаратары
пасья паэтычных чытаньняў,
апынуўшыся ў прыбіральні
ля суседняга з мэтрам пісуара,
ад хваляваньня забываюць расшпіць прарэх.
«Вось здрава! – думае паэт. –
Я б так ня змог!»

Бо стары паэт
прачытаў за жыцьцё
сорак восем кніжак,
дваццаць дзеве зь якіх былі ягоныя,
яшчэ да дваццаці дзевюх ён напісаў перадмовы,
а першыя чатыры ён памятае смутна;
хоць мае на паліцы
дзеве з паловай тысячы томікаў сваіх калегаў,
усе, вядома ж, з аўтографамі,
каб, Божа барані, ня здаў у букіністычную кнігарню,
але ён часам такі здае.
У маладосьці зь яго кпілі за неадукаванасьць
ды іранічна казалі: «Вучыцца, вучыцца й вучыцца!»
а цяпер не, таму

што стары паэт
наведаў дзеве з паловай тысячы школаў,
каб кожная навучэнка,
апроч вечару страты нявіннасьці
ды выпускной вечарыны,
запомніла яшчэ і ягоную творчую вечарыну,
але ж ніводная не запомніла,
а калі якая й пазнае яго на вуліцы,
дык аказваецца

Старый поэт

Старый поэт
не имеет вредных привычек,
ведь от спиртного с утра случалась изжога,
а от сигарет желтели зубы;
потом зубов не стало,
но не менять же привычек на склоне лет.
Что до наркотиков,
так он мог бы намекнуть на знакомство с ними
ради дешевой популярности у молодежи,
но пусть молодежь сама
заботится о дешевой популярности,

а старый поэт
широко известен,
хоть и в узких кругах,
зато настолько широко,
что юные литераторы
после поэтических чтений,
оказавшись в уборной
у соседнего с мэтром писсуара,
от волнения забывают расстегнуть ширинку.
«Вот здорово! – думает поэт. –
Я б так не смог!»

Потому что старый поэт
прочитал в жизни
сорок восемь книжек,
двадцать две из которых были его же,
еще к двадцати двум он написал предисловия,
а первые четыре он помнит смутно;
хоть и стоят на полках
две с половиной тысячи томиков его коллег,
все, разумеется, с автографами,
чтоб, Боже сохрани, не сдал в букинистический магазин,
но он иногда все равно сдает.
В молодости часто смеялись над его необразованностью,
с иронией говорили: «Учиться, учиться и учиться!»
а теперь уже нет, потому

что старый поэт
посетил две с половиной тысячи школ,
чтобы каждая ученица,
кроме вечера потери невинности
и выпускного вечера,
запомнила еще и его творческий вечер,
но ни одна не запомнила,
а если какая и узнает его на улице,
то оказывается

суседкаю па лесьвічнай пляцоўцы
альбо ўнучкаю.

Стары паэт

дагэтуль хвалюецца перад выступамі,
думаючы, ці будуць крычаць «брава!»
ды выклікаць «на бис»,
і таму чытае з падкрэсьленым выклікам,
нібы пытаючы: «Хто тут супраць мяне?
Вы за ці супраць?»
Але ўсё абыходзіцца,
і заля дружна крычыць:
«ЗА!» і «БИС!».

соседкой по лестничной площадке
или внучкой.

Старый поэт

до сих пор волнуется перед выступлениями,
думая, будут ли кричать «браво!»
и вызывать «на бис»,
и потому читает с подчеркнутым вызовом,
словно спрашивая: «Кто тут против меня?
Вы за или против?»
Но все обходится,
и зал дружно кричит:
«ЗА!» и «БИС!».

Паслямова

Ты занураўся ў сене, нібы ў Сене,
з цыганскаю красуняю Кармэн,
ёй недарэчна дорачы насенне
і нічога не жадаючы ўзамен.

Пара збіраць плады, цяжар асенні
узважаць, ды марнее твой бязмен.
А ты ўсё прагнеш боўтацца ў басейне
і мяркуеш, што дагэтуль супермен.

Ты б мог сягнуць вышэй за піраміды,
але ў камп'ютары Семіраміды
твой сад завіс яшчэ ў палеаліт.

Гадуючы жыгучку і дзядоўнік,
чакаеш, покуль з'явіцца садоўнік,
які націсне «ctrl»-«alt»-«delete».

Послесловие

Ты плавал в стог сена, словно в Сене,
с цыганскою красавицей Кармен,
в ней оставляя собственное семя
и ничего не требуя взамен.

Пора собрать рюкзак плодов осенних
и взвесить их, но сломан твой безмен.
А ты все бултыхаешься в бассейне
и думаешь, что тоже супермен.

Ты мог рвануть повыше пирамиды,
да вот в компьютере Семирамиды
твой сад завис еще в палеолит.

И, разводя крапиву и терновник,
ты ждешь, когда появится садовник
над клавишами «ctrl»-«alt»-«delete».

Юрий Андрухович

Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился 13 марта 1960 года в Станиславе (в настоящее время Ивано-Франковск). Закончил редакторское отделение Украинского полиграфического института во Львове (1982) и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького в Москве (1991). Автор поэтических сборников «Небо и площади» (1985), «Средместье» (1989), «Экзотические птицы и растения» (1991), «Экзотические птицы и растения с дополнением «Индия» (1997, 2002) и «Песни для мертвого кочета» (2004). В области прозы – романы «Рекреации» (1992), «Московиада» (1993), «Перверзия» (1996), «Двенадцать обручей» (2003) и «вместо романа» «Тайна» (2007). Эссеистика Андруховича издана двумя сборниками – «Дезориентация на местности» (1999) и «Дьявол прячется в сыре» (2006). Произведения Андруховича переведены и изданы отдельными книжками в Польше, Германии, Канаде, Венгрии, Финляндии, России, Сербии, США, Италии, Словакии, Швейцарии, Испании, Франции, Чехии. Отдельными публикациями – в Швеции, Австрии, Румынии, Болгарии, Хорватии, Беларуси, Литве, Дании. Среди литературных наград – Премия им. Гердера (Фонд Альфреда Тетфера, Гамбург, Германия) за 2000 г., Специальная премия мира им. Эриха-Марии Ремарка (Оснабрюк, Германия) за 2005 г., Лейпцигская книжная премия европейского взаимопонимания (2006) и Литературная премия Центральной Европы «Ангелус» (Вроцлав, Польша, 2006). Юрий Андрухович – главный редактор центрально-европейского журнала «Потяг 76» (www.potyah76.org.ua). Живет в Ивано-Франковске.

Сергей Жадан

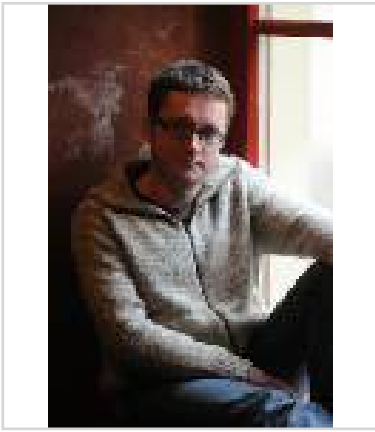
Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился 23 августа 1974 года. Автор поэтических сборников «Цитатник» (1995, 2005), «Генерал Иуда» (1995), «Пепси» (1998), «the very very best poems, psychedelic stories of fighting and other bullshit» (избранные стихотворения 1992 - 2000) (2000), «Баллады о войне и возрождении» (2001), «История культуры начала столетия» (2003), «Марадонна» (2007), а также книг прозы «Биг Мак» (2003), «Депеш Мод» (2004), «Anarchy in the UKr» (2005) и «Гимн демократической молодежи» (2006). В 2006 году вышла книга избранных произведений «Капитал». В переводах на иностранные языки издавались «История культуры начала столетия» (Россия, 2003; Польша, 2005; Германия, 2005), «Биг Мак» (Польша, 2005), «Депеш Мод» (Россия, 2005; Польша, 2006; Беларусь, 2006; Германия, 2007), «Anarchy in the UKr» (Польша, 2007; Германия, 2007; Россия, 2008), «Гимн демократической молодежи» (Польша, 2008). Отдельные тексты переводились на немецкий, английский, польский, венгерский, словацкий, русский, белорусский, литовский, хорватский, сербский и армянский языки. Составитель антологии нюрнбергской поэзии «Два города» (Харьков, 1999), составитель и переводчик антологии венской поэзии «Дети Райнера и Марии» (Харьков, 2004), составитель антологии новой харьковской литературы «Отели Харькова» (Харьков, 2008). Переводит с немецкого, белорусского, польского и русского языков.

Галина Крук

Поэт, переводчик, литературовед. Родилась 30 ноября 1974 года во Львове. По образованию – филолог-медиевист, защитила диссертацию на тему «Украинское низовое барокко: поэтика стиля и жанра» (2001). Автор поэтических сборников «Странствия в поисках дома» (Львов, 1997), «Следы на песке» (Киев, 1997) и «Лицо вне фотографии» (Киев, 2005), а также многочисленных публикаций в литературной периодике («Четвер», «Сучасність», «ШО»). Поэтические и прозаические произведения вошли в альманахи и антологии – „Противозначение / Againstmeaning” (2001), „Королевский лес” (2001), «Потяг’76: избранное 2003–2004» (2005), «Мы и Она» (2005) и др.; переводились на английский, немецкий, шведский, датский, русский, польский, сербский, хорватский, литовский языки. Стихотворения и рассказы для детей печатались в детских журналах и антологии «Сказки Старого Льва» (2003). Автор двух книжек «Марко странствует вокруг света» (2007) и «Самый младший» (2008), переведенных на 15 языков (международный проект литературы для детей „Step by step”, Нидерланды). Переводит с польского, русского и белорусского языков. Участница многих литературных фестивалей в Украине и за рубежом. Лауреат литературных конкурсов «Гранослов» (1996) и «Приветствие жизни» им. Б.-И. Антонича (1996), стипендиат программ «Gaude Polonia» министра культуры Польши (2003) и Nomines Urbani на Вилле Дециуша в Кракове (2005), а также стипендии Балтийского центра писателей и переводчиков (Готланд, Швеция, 2007). Живет во Львове, преподает зарубежную литературу во Львовском университете им. И. Франко.

Фото Г. Крук: Александр Новицкий

Остап Сливинский

Поэт, переводчик, критик. Родился в 1978 году во Львове. Автор поэтических книжек «Жертвоприношения большой рыбы» (1998) и «Полуденная линия» (2004), многочисленных публикаций в антологиях и периодике (в частности, в альманахах «Бестиарий», «Королевский лес», журналах «Сучасність», «Четвер», «Кур'єр Кривбасу», «Потяг'76», «ШО», в антологии украинской поэзии в польских переводах «Стихи всегда свободны»). Поэтические и критические тексты переводились на английский, немецкий, болгарский, польский, литовский, русский, словенский, сербский, хорватский, белорусский языки. Был составителем и переводчиком Антологии современной украинской и белорусской поэзии «Зв'язокрозрив / Сув'язьразрыў» (Киев, 2006). Переводит преимущественно с польского, болгарского и македонского. За последнюю переведенную книжку (А. Стасюк, «Дорогой на Бабадаг», 2007) получил Премию посольства Польши в Украине за лучший перевод года. Участник многих литературных событий в Украине и за рубежом. На протяжении 2006-2007 годов был координатором Международного литературного фестиваля в рамках Форума издателей во Львове. В 2003 г. получил стипендию Министра культуры Польши «Gaude Polonia», в 2007 г. – стипендию Литературного Коллоквиума Берлина, в 2008 г. был участником стипендиальной программы «Homines Urbani» (Краков). В 2003 году был лектором украинского языка и литературы в Софийском университете им. Климента Охридского. Преподает польский язык и литературу во Львовском университете им. И. Франко. Живет во Львове.

Фото О. Сливинского: Грегг Гобарр

Андрей Хаданович

Поэт, переводчик, литературовед. Родился 13 февраля 1973 года. Пишет на белорусском языке. В 1995 году окончил филологический факультет Белорусского государственного университета, а в 1999 году - аспирантуру БГУ по специальности «зарубежная литература». Регулярно публикуется в журналах «ARCHE» и «Дзеяслоў», еженедельнике «Наша Ніва». Автор книг стихов «Старыя вершы» (2003), «Лісты з-пад коўдры» (2004), «Землякі, альбо Беларускія лімэрыкі» (2005), «From Belarus with Love» (2005), «сто лі100в на tut.by» (2007) и «Берлібры» (2008), а также книг стихов на украинском языке «Лісти з-під ковдри» (Київ: Факт, 2002, перевод Сергея Жадана и других авторов, предисловие Юрия Андруховича) и польском языке «Świeta nowego roski» (Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej, 2006, предисловие Павла Хюлле). Переводы на русский публиковались в журналах «ШО» и «TextOnly». Стихи переводились на английский, латышский, литовский, немецкий, польский, словацкий, русский и украинский языки; переводы на русский публиковались в журналах «ШО» и «TextOnly». Преподаватель БГУ: курсы истории французской литературы XVII, XVIII и XIX вв., а также спецкурс «Шарль Бодлер и его эпоха». Руководитель «Переводческой мастерской» в Белорусском Коллегиуме. Переводит с французского, украинского, польского языков. Преподаватель Белорусского гуманитарного лицея им. Якуба Коласа. Куратор нескольких конкурсов молодых литераторов. Член Союза белорусских писателей и Белорусского ПЕН-Центра. Живет в Минске.

Фото А. Хадановича: Андрей Лянкевич

О ПЕРЕВОДЧИКЕ:

Игорь Белов

Поэт, переводчик. Родился в 1975 году в Ленинграде. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Воздух», «Континент», «День и ночь», «Север» и др., переводы современной украинской и белорусской поэзии – в журналах «ШО», «Воздух», «Современная поэзия» и «TextOnly». Лауреат всероссийской литературной премии «Эврика!» (2006), дипломант Волошинского конкурса (2007), стипендиат Министерства культуры РФ (2003) и Шведского института (2007), участник ряда литературных акций в России и за рубежом. Автор книги стихов «Весь этот джаз» (2004). Живет в Калининграде.